

КАРЛО САНТИ

ТЕМНАЯ БИБЛИЯ

ПЕРЕВОД ЕЛЕНА БОЯРОВОЙ

Исторический триллер

 ASSOBOOK
EDITORE

16+

Карло Санти
Темная Библия

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Санги К.

Темная Библия / К. Санги — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07474-3

Томмазо Сантини вместе с SCS вновь призван раскрыть таинственные события, которые подрывают устои Церкви. 33 года назад семя мальчика, одержимого Демоном, было взято для оплодотворения молодой женщины, а спустя 9 месяцев родился Белиал Бомпиани. Сатанинская Секта провозгласила Белиала новым Антихристом с помощью оскверненной Библии под названием: Библия Дьявола. Зловещее пророчество вступающее в силу по истечении тридцать третьего года жизни Белиала Бомпиани сделает его разрушительным инструментом, с помощью которого нанесут смертельный удар Церкви, используя пророческий текст Библии Дьявола.

ISBN 978-5-532-07474-3

© Санги К., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

1		5
	Через два дня	6
2.		8
3.		10
	Январь 1978	12
4.		13
	Тридцать лет спустя, 1247 год	15
5.		16
6.		19
7.		20
	Сан Фиорентино Амбрезе, год 1519	22
8.		23
	Ватикан, 28 сентября 1978 года	24
9.		25
	Год 1802-1815.	27
10.		28
11.		29
	Берлин, 1945 год	31
12.		32
13.		34
14.		37
	Папская резиденция	38
15.		42
	Центральная Жандармерия Ватикана, время 20.30	44
	Командный штаб карабинеров в Риме, время 21.45	46
	Эур, Рим – криминалистическая лаборатория команды карабинеров, время 22.15	47
	Сардинский ресторан – Рим, время 22.45	49
16.		50
17.		52
	В тот же момент	56
18.		58
19.		60
20.		64
	Конец ознакомительного фрагмента.	65

1

Монтаньяна, декабрь 1977

Мальчику становилось хуже, он почти ничего не ел, его тошнило всем, что он проглатывал сразу через несколько минут. Его мать, уже несколько лет как вдова, была в отчаянии из-за состояния его здоровья. Они жили в одном из самых красивых городов-крепостей Венето: Монтаньяна, провинции Падова. Стены этого города середины XIV века являлись одним из самых известных и наиболее сохранившихся примеров средневековой военной архитектуры Европы, когда Карарези, знатные сеньоры Падова, захотели расширить и укрепить то, что являлось важным местом для государства Падованы против Вероны Скалигеров. Укрепленный город, построенный с перекрывающимися слоями кирпича и камней, был увенчан башнями высотой от шести до восьми метров с зубцами типа «мерлон», простирающимися по периметру на протяжении более двадцати метров.

Он в порядке, синьора. Немного обессилен, но не волнуйтесь!

Это была единственная фраза, повторяющаяся постоянно многими прославленными врачами, после того, как мальчик прошел десятки анализов, они заявляли о его отличном состоянии здоровья. И все же он был болен, действительно, очень болен; теперь мать была более чем уверена, отмечая, что ситуация усугубляется с каждым днем больше и больше. Теперь парень имел поразительные кровоподтеки по всему телу, а в дополнение к ужасным гнойным нарывам, изменился его голос. Он уже не мог вставать с кровати, свет заставлял его нервничать и проявлять агрессию, все эти дни, он не выходил из дома, сидел в темноте, не желая никого видеть, даже мать. Но главной заботой женщины были фразы сына: непонятные, бессмысленные фразы. Отчаянная попытка спасти его, безутешная от бессмысленной науки, выраженной в медицине, заставила мать обратиться к священнику прихода Монтаньяна. Дон Ренато знал женщину как смиренную вдову, посвященную только семье, которая, чтобы обеспечить себя и сына после преждевременной кончины мужа, бралась за любую случайную работу по уборке в домах соседей. То, что женщина рассказала, вызвало у пожилого священника мурашки по коже, который сразу же осознал всю серьезность проблемы.

«Я должен увидеть мальчика прямо сейчас!» – это был единственный ответ Дон Ренато.

Приехав в маленький дом, мать впустила священника в комнату мальчика, который, как только увидел священника, он стал обращаться к нему с необычной агрессивностью.

Без всяких опасений Дон Ренато спросил его: «Как ты себя чувствуешь, парень?»

Молодой человек вытаращил глаза с расширенными зрачками окруженные красным ореолом.

«**Afharmak hunted insites makbel ther!**!» – отвечал он голосом, который, казалось, исходил из могилы.

«О Боже, отец, что он сказал?» – спросила напуганная мать.

«Я не понимаю, – ответил священник, – но мне это совсем не нравится, это не нормально».

Как только он произнес эти слова, температура окружающей среды резко снизилась, заставляя женщину еще больше содрогнуться. Пастор помолился и благословил мальчика Святой водой, которая при контакте с телом добавила новые нарывы к уже существующим. Священник все понял.

Они вышли из комнаты, мать, предлагая чашечку кофе старейшине приходу, спросила его: «Что вы думаете, отец?»

«Это более серьезно, чем я думал, – сказал Дон Ренато, – я думаю, что мальчик одержим дьяволом».

Через два дня

Основание Аббатства Пральи датировалось 12 веком. Монахи всегда устанавливали тесную связь солидарности с местными жителями, предлагая сообществу свое производство и услуги. С одной стороны, это позволяло им зарабатывать на жизнь и обеспечивать плановое техническое обслуживание монастыря, с другой стороны, это гарантировало, что в различных ситуациях они смогут оказать помощь нуждающимся и бедным людям, которые обращались к ним, доверчивые и полные надежды. В дополнение к ежедневному братскому служению и стабильной преданности в различных сферах жизни монастыря, монахи в Пральи занимались специальными видами трудовой деятельности: реставрацией антикварных книг, траволечением, пчеловодством, публикацией работ символизирующих монашество и духовность. Кроме того, что у монахов был настоящий парфюмерный завод, парфюмы которого успешно продавались в собственном внутреннем магазине Монастыря. И мало кто знал, о некоторых особенных монахах. Особенных, потому что они были настоящими и подлинными экзорцистами, признанными и имеющими разрешение для осуществления этой деятельности от Ватикана. У Дон Ренато не возникало сомнений обратиться напрямую к ним, чтобы они исцелили мальчика Монтаньяны. Запросив и получив соответствующее разрешения в Курии, приняв благословение Епископа Падовы, трое монахов Аббатства Пральи отправились в Монтаньяну. Они появились в доме тем же вечером, и приказали матери не входить в комнату мальчика не по какой либо причине, даже Дон Ренато был удален из комнаты и был призван молиться вместе с женщиной. Трое монахов вошли в комнату, в действительности, как ни странно, парень оставался очень спокоен, что он почти приободрился, в ожидании, от них скорого освобождения от всех своих бед. Религиозные сразу поняли, что они находятся в присутствии того, о ком думали; они говорили с ним на неизвестном языке, и мальчик без проблем отвечал.

«Это он!» – сказал, тот, кто казался самым старшим по отношению к двум другим.

«Без сомнения» – кивнул другой.

Один из трех открыл сумку и взял большую цилиндрическую стальную трубку, на которой была выгравирована буква N, второй подготовил шприц среднего размера и пробирку, третий взял маленький шприц, всасывающий синеватую жидкость.

«Готовы?» – спросил старший.

Двое кивнули в знак согласия. Мальчик был усыплен мощным наркотическим средством, а затем с помощью шприца из его половых органов изъяли семя и сразу же переместили в пробирку, которую запечатали и поместили в цилиндр, содержащий жидкий азот. Они закрыли контейнер и ввели синеватую жидкость мальчику. Выходя, посоветовали матери не входить в комнату в течение следующих нескольких часов, потому что он должен был отдохнуть, заверив ее, что все прошло по плану. И ничего не пожелав более молча ушли. Мать, наконец, успокоилась: сын, ее единственный сын, поправится, она убеждена в этом. Подождав пару часов, как ей казалось, парень спал. Она решила, что пришло время разбудить его, чтобы заставить его поесть, открыла дверь и увидела его голым: все кровоподтёки или нарывы исчезли с тела. Женщина приблизилась к сыну, глаза были открыты и устремлены в бесконечность, он не дышал. Она орала в полный голос: ее единственный и обожаемый сын умер. Приехавшие карабинеры, в сопровождении судебного патологоанатома, с первого взгляда не могли объяснить причину этой внезапной смерти, они ожидали причины вскрытия, но так ничего и не нашли. Тем временем, они провели поиск трех монахов: поиск, оказался коротким. Их нашли неподалеку от дома, мертвыми, за рядом мусорных баков. Их исчезновение также было классифицировано как таинственное, время смерти соответствовало смерти мальчика. Женщина и Дон Ренато были сопровождены к месту, где находились тела трех священников, чтобы подтвердить их личность.

Но они не узнали их, это были другие.

2.

Четвертый крестовый поход «Завоевание Зары», год 1202

В 1202 году самый большой и красивый флот отплыл, открыв навигацию. За год до этого Бонифаций I из Монферрато был назначен командиром четвертого крестового похода на Святую Землю, хотя, после полного провала Третьего крестового похода, в Европе было мало заинтересованных в повторении подобного приключения. Иерусалим находился в руках курдо – мусульманской династии управляющей Сирией и Египтом.

Четвертый крестовый поход инициировал молодой Папа Иннокентий III, избранный в возрасте 36 лет в 1198 году. Через сколько месяцев после назначения на Папский Престол, он призывал католиков к завоеванию Иерусалима и издал свою первую энциклику. Никто не хотел соглашаться с идеей нового похода, реакция европейских государств создала многочисленные споры с Папой, но любой несогласный, отстранялся от Церкви. Учитывая это, Венеция попросила Папу о дипломатическом участии, имея тесные деловые отношения на высоком уровне с Египтом; новый крестовый поход против этого народа означал бы столкнуться с финансовыми катастрофами для Города на лагуна. Но Папа был непреклонен, и начал четвертый крестовый поход, чуть позже трех лет после выхода энциклики. Находившееся под эгидой Венгерского королевства, население Зары оказалось враждебным, крестоносцы были приняты недружелюбно. По истечении пяти дней осады жителям пришлось сдаться, несмотря на то, что они были христианским городом и, следовательно, под защитой Папы в городе начался кровавый грабеж. Впоследствии крестоносцы и их командир, были отлучены от Церкви, осознав, что их жизнь находится в опасности, и они даже не могут вернуться домой, они решили осесть в Заре, тем более что зима была на подходе.

Бонифаций основал свое жилье и командование в ветхом здании, которое использовалось в качестве Церкви. Во время изгнания, используя свое влияние, он делал все, что мог, чтобы обвинить во взятии и грабеже Зары венецианцев. Папа, подменил все свидетельства, отменил крестовый поход на Зару и обвинил в нем венецианцев. В то же время, Бонифаций был прекрасно организован, чтобы штурмовать даже Константинополь, он попытался обещать Папе успех в битве, которая для Церкви была бы эпической. Однако когда он разрабатывал нападение, в его лагере появился молодой исламист по имени Иблис Абдул Хассад. Мальчик пробрался между крестоносцами и явился к помощнику Бонифация I.

«Мне нужно поговорить с верховным главнокомандующим, Мессером Бонифацием I из Монферрато, у меня есть новости, которые определенно приведут его к победе над Константинополем» – начал Иблис.

Помощник командира был полон решимости вышвырнуть его, если бы он продолжал настаивать, и даже предать смерти, но он понял, что мальчик не мог быть в курсе их планов о Константинополе, следовательно, не могло быть утечек новостей. Он попытался углубиться в эту тему, но мальчик был непреклонен, он хотел говорить только с командиром. Это была плохая идея, привести маленького мальчика начальнику, не предупредив его раньше, но глаза этого странного посетителя вызывали у него тревожные чувства. Таким образом, он решил порадовать его, о результате этого решения он будет много рассуждать в соответствующее время. Как он и предполагал, Бонифаций I разгневался, хотя ему и было любопытно услышать, что скажет мальчик. Он был сражен увиденным, что то таинственное окружало его в воздухе. Появился молодой человек, но с уже сформированной фигурой взрослого человека, черные зрачки контрастировали с очерченным красным контуром, движения его были плавные, почти кошачьи.

«От этого зависит твоя юная жизнь, – начал Бонифаций. – Если то, что ты мне скажешь, не вызовет мой интерес. Хорошо оцени свои слова».

Мальчик подошел к командиру слишком близко и сказал: «Отправь прочь своего слугу, с этого момента его служения вам больше не нужны».

Бонифаций был почти раздражен, но не мог поступить иначе, приказал помощнику уйти и оставить его в покое.

«Но, мой господин ...» – он пытался протестовать помощник.

«Убирайся отсюда!» – прогремел в ответ Бонифаций.

Мальчик просто улыбнулся, вынул из мешка тяжелую книгу и передал ее Бонифацию, тот тщательно осмотрел ее, прежде чем открыть. Оформление этой книги были впечатляющими: переплет, выполненный из кожи, изображение пентакля с непонятными надписями и, по своей сути с древними страницами, содержащими тексты, формулы и рисунки. Бонифацию эти образы и формулы ничего не говорили. Он внимательно просмотрел несколько страниц, безуспешно пытался прочитать текст, но он понял, что начал понимать некоторые слова. Он прочитал все на одном дыхании, понимая каждое новое слово, еще одно, целые фразы, целую страницу. Он забыл о мальчике, слишком сильно взятый в исступление, все более убеждаясь, что там он найдет ответ на каждую свою проблему. Он сразу сообразил, что, используя эти учения и эти формулы, он мог бы доминировать над людьми, пока не сделает их своими рабами. Он чувствовал себя непобедимым, но никогда не был насыщен этим текстом, в течение нескольких часов он позволил себе отжаться чтению, и очнулся только после прочтения и понимания последней страницы. Теперь он знал все из этой книги, он поглотил ее силу и знания. Он поднял взгляд на парня, он все еще был там, и терпеливо ждал, не говоря ни слова. Но он больше не был мальчиком, как раньше, теперь это был зрелый мужчина. Прошло двенадцать лет: Бонифаций I из Монферрато, не замечая времени, не чувствуя усталости, голода, жажды, читал книгу двенадцать лет.

Теперь эта книга, поглощена полностью, это была *Библия дьявола*.

3. Декабрь 1977

Три ложных монаха покинув дом мальчика в Монтаньяна, направились в центр Падова в частную клинику профессора Джанни Каллегаро, профессора университета в области акушерства и искусственного оплодотворения. Каллегаро был успешный и влиятельный ученый, хранил преданность делу, был один из пионеров искусственного оплодотворения, и в настоящее время, ставил определенный эксперимент. У избранницы для этого эксперимента был идеальный возраст. Двадцать один год, тело сформированное и в тонусе, хорошее образование и культура, умная и эффектная, отличное состояние здоровья. Выбор профессора Каллегаро был безупречным, событие было настолько важным, что он не мог позволить себе совершать ошибки. И Секта Темных не потерпит даже самой маленькой оплошности, на самом деле, профессор предупредил их о рисках, но он понимал, что неудача приведет к его смерти. Не может произойти ошибок, по крайней мере, не с ним. Женщина была идеальной, а семья максимально активным, после долгих лет терпеливого ожидания, пришло время семени одержимого дьяволом, семени наполненное абсолютным злом. Наконец то, они дадут жизнь человеку, который позволит изменить судьбы всего человечества: Антихристу. Профессор подготовил свою команду, самых опытных и ответственных сотрудников, все члены организации, верные и, прежде всего, слепо преданные делу. Женщина была осмотрена с профессиональной точностью, она тоже осознавала честь, которую ей оказывали. Каллегаро завершил визит, и был доволен, обратившись к женщине, подтвердил ее состояние здоровья.

«Я бы сказал, что ты в великолепной форме. Я очень горжусь тобой, Паола. Ты следовала программе безупречно, молодец».

Она была Паолой Бомпиани, дочерью известного предпринимателя, также верного последователя Секты, как и вся ее семья. Родители отдали их единственную дочь, с гордостью, этот выбор делал им честь и имя, и он дал бы жизнь экстраординарному событию: они стали бы бабушкой и дедушкой Избранного. Кроме того, они сделали все, чтобы внук мог сделать все возможное, их задача была еще более важной, чем дочери: сохранение ребенка в исключительных стандартах в дополнение к его образованию, чтобы он, в соответствующее время, мог быть готов к поглощению знаний. И они также осознавали, что дочь рискует не пережить этот опыт, но эта огромная жертва необходимая для правильного дела. Паола не расстраивалась, она знала каждый аспект события, которое она создавала с помощью своего тела и ценой собственной жизни. Она готовилась все эти годы, чтобы гарантировать лучший результат. Она знала, что это время настанет.

«Вы гарантируете, что я не буду страдать?» – спросила Паола, лежа на операционном столе.

Профессор успокоил ее: «Конечно, нет, дорогая! Я всегда говорил тебе все, и ты знаешь, с чем мы имеем дело. Я сделаю так, чтобы никто и ничто не причинило тебе боли. Теперь расслабься, скоро мы начнем операцию, это будет вопрос нескольких минут, ты увидишь».

Паола попыталась расслабиться, но не смогла. Она не волновалась об оплодотворении, хотя это была не совсем *обычная* операция, но она боялась родов, на самом деле, нее охватывал ужас. Заверения профессора в том, что он ей говорил, не отвлекали ее от этой мысли. Беременность должна протекать в палате частной клиники, в совершенной изоляции от внешнего мира, чтобы никакие микробы, вирусы или болезни не могли повлиять на плод, который, таким образом, будет защищен от всех воздействий. Но при родах Паола не выживет, ей давали очень мало надежды. Она принялась с верой за дело, но не могла преодолеть ужас мысли о том, что ее молодая жизнь закончится таким своеобразным образом. Она уже не могла отсту-

пить, анестезиолог и вся команда была на месте, готовые к операции. В зале рядом с другими врачами было проведено профилактическое лечение донорских сперматозоидов при помощи техники *искусственного оплодотворения*. Они устроили девушку в гинекологическое кресло, затем через зонд, вставленный во влагалище, профессор ввел семенную жидкость, в обработанную полость матки. Все процедуры тщательно отслеживались на соответствующих мониторах, подключенных к приборам. Через несколько минут операция была классифицирована как успешная, теперь было достаточно просто ждать, пока сперматозоиды выполнят свой естественный путь, оплодотворив яйцеклетку.

Январь 1978

Профессор Каллегаро в своем кабинете с нетерпением ждал результатов анализов, вместе с ним, сидели за столом организованным для встреч были родители Паолы: Витторио и Сара Бомпиани. Девушка наблюдалась в стерильной комнате, которую они подготовили в клинике, со всей конфиденциальностью дела. Паола в своем расположении имела все удобства, номер был просторный и содержал все, что она просила: много книг, тренажерный зал, чтобы оставаться в форме, она хотела съесть только ее любимые блюда, хотя и под тщательным контролем со стороны опытных диетологов. Помимо ограничений в свободе и возможности выйти, вести нормальную жизнь Паоле ничего не мешало, и это состояние добровольца было довольно терпимо. Ассистент профессора вошел в офис и сообщил новость: Паола была беременна пять недель.

Это была долгожданная и потрясающая новость.

4.

Зара, год 1214

Бонифацио был в недоумении, что все это время читал странную книгу, не заметив ни того, что страдал от голода или жажды и не старел.

Вокруг него все оставалось неизменным: мебель, ковры, предметы домашнего обихода, и все же прошло Бог знает сколько времени. Он это понял, когда вышел из дворца, он нашел его ветхим, в ужасном состоянии, как будто он был заброшен, в течение многих лет. Он задавался вопросом, что могло с ним случиться, он видел мальчика, прежде чем он начал читать книгу, и сразу после того, как он закончил ее, он все еще был там, только старше. Но потом молодой человек исчез, и с ним исчезла и книга. Бонифацио помнил каждое слово, каждую формулу или послание: они были внутри него, он чувствовал, что они присутствуют в разуме и, прежде всего, в душе. *Она живет внутри меня!* Это была его первая мысль. В Заре царил хаос, там все еще были некоторые плохо организованные группы крестоносцев, которые, вероятно, остались в гарнизоне, чтобы обеспечить конституционный порядок. Блуждая по городу Бонифацио встретил нескольких, не признав ни одного. *Или они погибли в бою или умерли от старости.* Сказал он сам себе.

Тогда он пересекся с одним человеком и спросил его: «Я Бонифацио I из Монферрато, разъясни мне ситуацию».

Человек, по имени Лука, мгновенно узнал его и рассказал, что его считали пропавшим без вести в великой битве 1202 года, когда Зара была разграблена. Он подтвердил, что Папа отлучил венецианцев и что крестовый поход должен был направиться в Константинополь. Так и было, но они были разбиты с огромными потерями, позже было объявлено, что великий Бонифаций I пропал в финальной битве.

«А вы оказывается живы, мессир, – сказал эмоционально Лука, – пойдете со мной, мой господин, люди будут рады вас видеть».

Бонифаций был в курсе, что прошло двенадцать долгих лет. Оставалось семь дней, до исполнения его тридцати трехлетия. Он отреченно последовал за Лукой, за город на протяжении нескольких километров, пока не прибыл в лагерь выживших крестоносцев. Там было несколько палаток и очень мало людей, по большей части раненые, разбитые и истощенные: настоящая армия-призрак. Лука побежал объявить о том, что господин из Монферрато жив, что он выжил в битве за Константинополь и что защитит и спасет всех от этой безысходности. Мужчины, численностью менее ста, собрались в центре деревни, в надежде наконец-то вернуться на родину, в целостности и сохранности. Бонифаций, сразу понял, что эти люди, те что остались не имели больше ничего общего с истинными крестоносцами: грязные, изможденные, с почерневшими зубами. Он чувствовал себя разочарованным, возможно, ожидал увидеть настоящую армию, как он и оставил ее, прежде чем начать читать, но следуя логике и реальности времени это было двенадцать лет назад. Он не унывал, наоборот, чувствовал себя гордым, сильным и победителем. Он начал речь и понял, что он ведет речь о войне против Константинополя, но это были не те слова, которые он имел в виду, это было не то выступление, которое пришло ему на ум в тот момент, однако он не остановился ни на мгновение, у него не было возможности. Речь получилась убедительной, в глазах мужчин вновь светились мужество. Слившись в неустанный ритм, они скандировали его имя хором с нарастающим темпом: *Бонифаций, Бонифаций, Бонифаций!* И его имя повторялось бесконечно, в течение нескольких часов, в это время и в нем росла уверенность, в состоянии провести любой бой, что они способны создать свою армию людей, подданных, рабов. Он чувствовал, что он аккумулирует в себе силу: силу господства над людьми. В течение следующих двух дней слухи о возвраще-

нии великого Бонифация I из Монферрато распространились по всему населению близлежащих деревень, все они делали большие усилия, чтобы убедить каждого человека, способного держать в руках оружие следовать за новым вождем для победы над Константинополем. Семь дней спустя Бонифацию исполнилось тридцать три года, и он почувствовал себя еще более мощным. Рядом с палаткой кричали его имя, гул, сотрясал землю вокруг.

Бонифаций, Бонифаций, Бонифаций...

Выйдя из своей палатки, он увидел армию из двух тысяч человек, но и другие спешили к его лагерю, уже битком набитому людьми. Он начал говорить, произнося фразы на языке, отличном от него, он понимал, что это идиома, приобретенная от прочтения книги: Библия дьявола. Мужчины на мгновение остановились в смятении, а потом, поняли его и начали скандировать его имя, в то время, когда он еще продолжал говорить. И чем больше он говорил, тем больше людей приходило, может быть, три тысячи или четыре тысячи, из множества которых невозможно видеть конца.

Прошли дни, месяцы и годы, Бонифаций сначала завоевал Константинополь, затем многие другие города.

Но он никогда не был доволен завоеваниями.

Бонифачио I из Монферрато был великим полководцем, жестоким и безжалостным, люди отдавали за него жизни без промедления: они были очарованы и поклонялись ему, как поклоняются Богу. Он записал незабываемые победы, враги были уничтожены, он никогда не приклонился.

Тридцать лет спустя, 1247 год

На пике великолепия, богатый, влиятельный и уважаемый, готовясь к своему шестьдесят шестому дню рождения, он объявил себя королем и провозгласил свое царство. Он дал распоряжение, чтобы каждый человек в царстве, подданный или нет, любил его не только как Царя, но и прежде всего как Бога. В тот день, он намеревался отпраздновать день рождения и коронацию, как ему представился юноша. Бонифаций узнал его. Иблис! Сказал сам себе и удивился. Он видел его в последний раз, когда читал книгу, прошло тридцать три года, но Иблис был молод. Он видел перед собой того же молодого человека, что и в их первую встречу.

«Ты меня узнаешь, крестоносец?» – спросил Иблис.

«Да, я знаю тебя, но как...»

Бонифачио застыл, схватившись рукой за грудь, пульсирующая боль отрубила ему дыхание, но он чувствовал, что понимает что-то еще, хотя он не мог определить это чувство. Он умирал, и понимал это. Он был в недоумении, так как считал себя непобедимым.

«Я дал тебе знания о силе, – начал Иблис, – но ты не понял. Ты мог назвать себя королем и царствовать, мог обогатить себя сверх меры, мог завоевать мир».

Иблис взмахнул рукой, и Бонифаций I Монферрато умер. От безжизненного тела поднялся мимолетный луч света, который Иблис взял в руку, почти ассимилируя его.

«Но ты не можешь провозглашать Бога!»

Добавил, и спокойно вышел.

5.

Ватикан, 27 сентября 1978 года

Папа Джованни Паоло I, избранный на Папский Престол всего тридцать два дня назад, встречался с Государственным Секретарем Ватикана и Камерленго Святой Римской Церкви Кардиналом Жаном Мари Виллотом. Всего месяцем ранее Виллот был на встрече с предшествовавшим, Святым Отцом. Кардинал уже сообщил Папе секреты, которые Церковь хранила на протяжении веков, Протокол также требовал, чтобы Государственный Секретарь посвящал во все особые ситуации, конфиденциальные Новости, сообщал о случаях серьезных заболеваний или малейших признаках опасности жизни для Папы. В этот момент Виллот и Папа говорили о *Sanctum Consilium Solutionum*, лучше сказать SCS, а также о роли, которую исполняет руководитель Совета: *Решатель*. На самом деле, нужно было назначить нового, потому что предыдущий погиб при исполнении миссии.

«Удивительно, – сказал Папа, – я и понятия не имел, что внутри Церкви так много тайн, но эта кажется самой абсурдной из всех: конфиденциальная организация, которая убивает, священники, убивающие во имя Папы и Церкви! Трудно понять, Ваше Преосвященство».

«Я понимаю, Ваше Святейшество, – ответил Виллот, – но мы говорим об одном из старейших учреждений Церкви. Первый Решатель был избран в V веке, и Совет никогда не был расторгнут или изменен с течением веков, всегда считался символом, незыблемым для любого Понтифика. Только Тамплиеры в течение двух столетий, превзошли силу SCS, но с их уходом осталась единственная организация Церкви, которая по-прежнему считается вооруженной. Они всегда блестяще выполняли свою задачу, поэтому я прошу Вас разрешить мне ввести выбранного кандидата».

«Мне не нужно это объяснять, Ваше Преосвященство, – ответил раздраженно Папа, – не мне менять правила Церкви, по крайней мере, не через месяц, после выборов. Скажите мне, кто этот человек и почему он правильный кандидат».

Виллот взял папку и разложил ряд документов на столе, иллюстрируя свою позицию Папе: «Кандидата зовут Томмазо Сантини, он входит в Совет примерно пару лет. Он молодой, выделяется оружейной подготовкой в бою, а также был выбран предыдущим Решателем, который обучал его. Он активный, проницательный, умный и обладает культурой высокого уровня, прекрасно владеет семью языками, включая арабский. Но, прежде всего, он человек Веры, Святости».

«Сколько лет этому молодому человеку?» – спросил Папа.

«Двадцать пять, Святой Отец» – отвечал Виллот.

Понтифик встал: «Боже мой, Ваше Высокопреосвященство, но это мальчик! И должен ли он быть человеком, защищающим фундамент Церкви, Государственную тайну и Папу?».

«Святейшество, позвольте мне пригласить его, – уверенно сказал Государственный Секретарь, – Вы увидите его своими собственными глазами».

Они пригласили парня, и он появился в кабинете, нисколько не смущенный присутствием могущественных лиц Папы и Кардинала. Сантини отличался величавым ростом метр девяносто, гордой осанкой, ледяные глаза нагоняли страх. Кроме того, от него исходила безопасность, отраженная в чертах лица: он был уже зрелым человеком, невзирая на возраст. Он подошел к Папе уверенно, оказался намного выше, Понтифик смотрел ему в грудь. Молодой человек опустился на колени и поцеловал Папское Кольцо, глядя в глаза Святого Отца, который, на удивление, выдержал ледяной взгляд Сантини. Он стоял на коленях, пока Папа не дал ему разрешение и не позволил расположиться в кабинете.

«Почему ты смотришь подобным образом?» – спросил Папа у Сантини.

«Потому что мне нужно понимать, кому служить и кто распоряжается моей жизнью!» – ответил молодой человек, почти легкомысленно.

Однако этот парень понравился Папе, он спросил его еще: «И что ты понял обо мне?»

«Что Вы, Святейшество, – отвечал он, – хороший человек. В связи с этим, я вверяю Вам свою жизнь и мое служение, даю Вам клятву послушания и верности, Мой Святой Отец».

Сантини опустился на колени, отвел взгляд, прежде всего в знак послушания и в полноте смирения перед сильным.

«Вставай Томмазо, – сказал Папа, – мне было приятно смотреть в твои глаза: я видел твою Веру перед твоей силой. Тебе мое благословение, Решатель».

Это было официальное назначение, не было никаких письменных документов, ни и даже Папских декретов; Решатель был тысячетным секретом, который не имел славы, известный только избранным. Судьба Решателя в том, что бы служить, не ожидая ничего взамен, жертвуя всем для выполнения поручений. Сантини, в своих задачах, будет сопровождаться группой людей, выбранных им самим, и хранить эту огромную тайну. Он поклялся в верности и послушании Папе, его люди поступят так же, но только с ним. Решатель мог встречаться с Папой Римским и Государственным Секретарем Ватикана, однако, ни один из Совета не мог приблизиться к этим важным персонажам. Ему была гарантирована индульгенция, и даже будучи священником, он был освобожден от служения, в связи с чем он не мог практиковать священство. Тем не менее, он оставался священником, человеком Церкви. Сантини знал, что с его назначением он начнет новую жизнь, единственную, которую ему разрешат. С этого момента альтернативой может быть только отлучение или смерть. Государственный Секретарь, будучи тем, кто лучше знал секрет Совета, взял инициативу, заранее согласованную и уполномоченную Папой.

Он обратился к Сантини: «Томмазо, с этого момента ты назначаешься и получаешь звание Решателя, но ты еще не готов, твой учитель не успел завершить твою подготовку. Итак, твое обучение будет завершено мастером Джованни Сантини, братом твоего деда».

«Братом Паскуале? – спросил удивленно Сантини. – Возможно, это ошибка, я забочусь о Брате Паскуале, он ... старый!»

«Да, он *старый*, как ты непочтительно говоришь, но он знает, как завершить твою подготовку, – ответил Виллот. – Томмазо, дело заключается в том, что ты не знаешь, что Джованни или Брат Паскуале тоже был Решателем, одним из лучших, единственным, кто смог уйти в отставку. Он знает свое дело, он сам тебе все расскажет».

Государственный Секретарь попросил Папу разрешения войти специально приглашенного Джованни Сантини. Проворный монах был взволнован, он не входил в Ватикан уже много лет, но еще больше его волновало назначение Решателем многообещающего и молодого племянника. Он опустился на колени перед Папой и поцеловал его Кольцо, Папа не хотел этого, но тот сделал это без каких-либо усилий. С той же ловкостью он выпрямился, демонстрируя силу. Приветствовав Государственного Секретаря, расположился рядом с Сантини.

«Мне сообщили, Ваше Превосходительство, что вы сами были Решателем?» – спросил Папа Брата Паскуале.

Решатель мог претендовать на звание Превосходительства, как Епископы или Монсеньоры, за заслуги и служения, оказанные в пользу Папы, так называемые *военные или оружейные заслуги*. Но молодой Сантини еще не знал об этом, поэтому он молчал и усваивал каждое слово.

«Да, Ваше Святейшество, – ответил монах, – с тридцати семи до шестидесяти девяти».

«Хорошо! Я убедился в великих ваших делах, – подтвердил Понтифик, а затем спросил. – «Чувствуете ли вы готовность завершить подготовку Томмазо?»»

Монах кивнул с сияющими глазами, это задание почитал сверх меры. Будучи избранным для деликатной задачи, он вернулся обратно на двадцать лет.

Государственный Секретарь заключил: «Решатель, Бог поможет тебе в задачах, которые ждут тебя. Ты вверяешься мастеру Джованни Сантини на необходимое время и до тех пор, пока он сам не решит, что ты будешь готов. Одновременно будет помогать тебе в команде Совета, и это всегда будет он, будет указывать тебе на то, что будет поддерживать тебя в случаях индульгенции. Знай, что индульгенция простит каждый твой грех, но это не твоя совесть, тебе нужно найти духовного учителя и духовника. У тебя есть кто-то на уме?».

У Сантини не было сомнений: «Если Брат Паскуале согласится стать моим духовником и духовным отцом, я буду счастлив, горд и польщен».

Сантини поклонился пожилому монаху: Решателю прежних времен.

6.

Падова, 28 сентябрь 1978

Прошло девять месяцев со дня оплодотворения, и команда профессора Каллегаро была готова через несколько дней принять роды. Девушка была закрыта в стерильной комнате и не выходила все это время. Родители рассказывали всем, что Паола уехала в Канаду учиться и проводить исследования. Беременность была ужасной, постоянная пульсирующая боль и тошнота были настолько жестокими, что девушка с нетерпением ждала, когда все закончится. Даже опасность возможной смерти от родов, которую не исключал профессор, была бы с безмятежностью принята девушкой, которая больше не могла выносить эти мучения. Когда начались первые схватки, Паоле казалось, что это освобождение, но это была самая интенсивная боль предыдущих долгих девяти месяцев, эта боль была ничто по сравнению с тем, что она уже испытала, это был конец мучений, которые продолжались слишком. Она прокляла тот день, когда решилась пройти этот эксперимент, то, что она могла даже умереть, больше не заботило ее, и самое главное, она не хотела ребенка, которого рожала; она не хотела, что бы он родился, и что самое главное что бы он был. Она подверглась эксперименту с энтузиазмом, с уверенностью и убеждением, но этот беспокойный плод, странное чувство того, что в утробе было бесчеловечным существом или, возможно, просто идея о том, кто его отец, заставила ее почти сразу передумать. Она также знала, что не может отступить, и если смерть не придет с родами, она сама найдет ее: она не могла позволить себе остаться жить с мыслью об ошибке и ужасе, который она совершила. Муки продолжались, роды подходили к эпилогу, схватки были все чаще и чаще. Она орала от боли, роды отражали обличье того, что она носила в утробе, плод не хотел ожидать времени, продиктованного природой. Родовой канал был открыт всего на несколько сантиметров, обычно схватки должны были продолжаться еще шесть-семь часов, но мучительная боль и сила сокращений, вышедшие из-под контроля измерительного оборудования, указывали, что больше нельзя терять времени. Профессор Каллегаро решил на кесарево сечение; в противном случае, молодая женщина будет мертва из-за серьезных разрывов и потери крови. Команда профессора поспешила перевести Паолу в операционную, когда произошло страшное и непоправимое: ребенок родился независимо от всех прогнозов. Паола упала в обморок, кровь сочилась обильно, погруженный в алую жидкость, выскочил ребенок.

В этот момент родился Белиал Бомпиани.

Паола Бомпиани, его мать, сразу умерла.

В тот же самый момент умер по необъяснимой причине Джованни Паоло I: Улыбающийся Папа.

7.

Флоренция, 1476 год

Леонардо да Винчи, художник, архитектор, ученый и писатель, был одним из самых выдающихся умов человечества, сын нотариуса Сер Пьеро и молодой селянки, родился в 1452 году в Винчи, в небольшой деревне. Он провел довольно безмятежное детство, разделенное в первые годы с матерью, а затем до двадцати лет с отцом. Учитывая его несомненные способности и навыки к рисованию, он был принят в качестве ученика в художественную мастерскую Андреа дель Верроккьо. Леонардо рисовал, конструировал и проявлял интерес ко всем сферам человеческих знаний. Не изучавший латынь, в те времена он мог быть классифицирован как неграмотный, но глобальные интересы пришли ему на помощь: самоучка с энтузиазмом попытался познать все, он исследовал анатомию, инженерию, архитектуру и другие науки. После рисования письмо было его большой страстью, продолжал писать, делать заметки на эскизах, но он был настолько одержим идеей, что кто-то мог его использовать как плагиат, и чтобы сохранить тайну своих записей, Леонардо использовал уловку, писал справа налево. Мало того, что он также сделал анаграмм каждого слова, он хотел сохранить максимальную секретность. Другая навязчивая идея Леонардо была практика содомии; гомосексуализм в то время считался серьезным преступлением, которое каралось смертью. В связи с чем, он практиковал тайно. Но в 1476 году была представлена анонимная жалоба за мужеложство в отношении нескольких человек, среди которых был и Леонардо да Винчи, за связь неким семнадцатилетним Джаикопо Салтарелли.

В уголовном процессе, который последовал за этим, участвовал молодой англичанин, который свидетельствовал в защиту Леонардо, оправдав его от обвинений. С английскими корнями по линии отца, молодой человек переехал во Флоренцию для проживания с матерью: его имя было Молох Аравн. Он опроверг все обвинения, которые были вынесены гениальному Леонардо. Впоследствии эти двое поддерживали крепкую дружбу и разделяли дни беззаботного веселья среди молодежи. Молох, заинтригованный методом, используемым Леонардо при письме, предложил ему текст.

«Ты не сможешь его расшифровать, – бросил он в шутливом тоне как вызов, – он написан на неизвестном языке, и его очень трудно перевести. Но если ты с ним разберешься, ты приобретешь наивысшие знания, не будет в твоей досягаемости другого такого человека равного тебе, ты будешь считаться абсолютным гением вечности».

Леонардо был очень любопытным и уверенным в себе и ненасытным до знаний. Он решил принять вызов.

«Молох, я согласен, – ответил он, – сделаю это за несколько дней, уверен, что когда ты вернешься, то пожалеешь, что бросил вызов мне. Но если я не могу перевести его, я буду твоим рабом, исполню любое твоё желание, каким бы абсурдным оно не было».

«Будет так, мой милый друг», – ответил Молох.

Молодой человек открыл свою сумку и представил другу книгу: весомая, с объемной, рельефной пентаграммой на переплете из тонкой кожи. Леонардо видел много книг за свое молодое существование, но эта выглядела древней, и прекрасно сохранившаяся, он начал изучать ее во всех деталях. И был очарован, но его охватил страх, который мог все испортить. Однако, долго не сопротивляясь, он открыл книгу, прочитав первые строки и улыбнулся. Он улыбнулся, потому что слова, фразы, рисунки, карты и формулы, содержащиеся в нем, все более и более становились понятны ему после того, как он прочел их всего два раза. Безусловно, их было трудно интерпретировать, но Леонардо понял, что, с чтением продвигается вперед, этот текст открывался в его ум или, еще лучше, его ум открывался к этому тексту.

Он читал, не останавливаясь, не задумываясь, как если бы это чтение было единственным, что держало его в жизни. Его гениальность изменила ситуацию, вскоре Леонардо уже закончил читать всю рукопись, усваивая все написанные знания. Он становился подготовленным в любой области науки, техники, изобретений и многого другого. Теперь его ум не имел границ, он чувствовал это внутри себя, что теперь он может попробовать свои силы в любом направлении, он знал все вещи когда – либо существовавшие на земле и во Вселенной. Теперь его ум походил на божественный, и в этом была заслуга книги. Он поднял взгляд, но не увидел Молоха, встал и пошел искать его в других комнатах, но безуспешно. Вернулся в свою комнату и удивился: с Молохом исчезла и книга. Леонардо, размышляя о знаниях, усвоенных с чтением книги, не позаботился о том, кто это странный парень, и даже о причинах, которые привели его к нему. Он сосредоточился на содержании текста и удивился, что он хорошо запечатлел их в памяти.

Библия дьявола! Подумал он, даже не понимая, почему ему в голову пришло это высказывание. У него сложилось ощущение, что он чувствует себя старше, более зрелым, как будто прошло много лет, а не часов. Вдруг, его посетили огромные сомнения, он вышел на улицу и понял, что, хотя и немного, но окружающая обстановка изменилась, она была не была не той, что он помнил нескольких часов раньше, город имел какой-то оттенок, отличный от того, что помнил он. Он задал несколько вопросов прохожим, хотел подтверждения, задавал один и тот же вопрос несколько раз и большому количеству людей. Все подтверждали, не было никакой ошибки, теперь у него было доказательство: это был 1485 год. Ему потребовалось семь лет, чтобы прочитать всю эту книгу: *Библию дьявола*.

И в тот день Леонардо да Винчи отметил тридцать третий год жизни.

Сан Фиорентино Амбрези, год 1519

Леонардо да Винчи вызвал сенсацию в мире, он был абсолютным гением, создавшим произведения, идеи идеальных пропорций, до сих пор актуальных сегодня. Он позиционировал себя как человека науки, инженером и изобретателем военных машин, но он также был одним из самых уважаемых художников, который оживил подлинные шедевры, не имеющие ценности. Его творчество как великолепного художника ценил гениальный Микеланджело Буонарроти, с которым он расписывал зал Большого Совета в Палаццо Синьория во Флоренции. В 1519 году он почувствовал приближение конца своей удивительной жизни. К его постели явились многие, все они хотели почтить искусство и знания, одного из этих посетителей Леонардо да Винчи узнал сразу: это был Молох Араун.

«Я доволен тобой, мой хороший друг, – сказал ему Молох, – ты прожил жизнь, соответствующую учениям Библии Дьявола. Ты создал замечательные вещи, которые слишком великолепны для этих простых смертных, которые обвиняли тебя в колдовстве. Ты заслуживаешь жизни за пределами жизни».

В этот момент смерть настигла художника: ученый, изобретатель и художник Леонардо да Винчи умер в мае. Его тело было похоронено в Сан Фиорентино в Амбрези, откуда таинственно исчезло, не оставив никаких следов. Предполагаемыми причинами были осквернение могил во время религиозных войн XVI века.

Но Молох сохранил ему место, зарезервированное для немногих избранных и почетных на его стороне, гарантируя ему, таким образом, жизнь за пределами жизни.

8. Падова, 28 сентября 1978

Команда Каллегаро сделала все возможное, чтобы спасти Паолу, безостановочно они продолжали реанимацию. Через полчаса, приборы зафиксировали конец жизнедеятельности, как сердечной, так и мозговой. Профессор несколько раз проверил оборудование и данные анализов, зарегистрированное кровотечение не имело никакого объяснения: с точки зрения медицины не возможно было установить причину смерти Паолы.

«Достаточно, господа, – он приказал, не питая никаких иллюзий. – Она уже мертва. Давайте сосредоточимся на ребенке».

Маленький Белиал Бомпиани, напротив, подавал сигналы великолепного здоровья, был в форме и голоден. Медсестра уже обеспечила ему прекрасный молочный рацион, который он выпил залпом, на одном дыхании. Вскоре после этого в палату вошла группа людей, которые, не произнося ни слова, забрали ребенка, и тело молодой, несчастной Паолы.

Профессор Каллегаро хотел уточнить: «Еще не время, ребенок должен остаться здесь. Ему нужно оставаться под наблюдением не менее 48 часов».

Руководитель группы предупредительно ответил: «Ваша задача завершена, профессор. Так решено».

И люди исчезли, унося с собой беспокойство этого дня.

Ватикан, 28 сентября 1978 года

Известие о смерти Святого Отца, Папы Джованни Паоло I, потрясло весь мир. Через тридцать три дня после избрания Папа Лучано, установил печальный рекорд: самый короткий Понтификат в истории Церкви. Причины смерти были окутаны тайной, и никто никогда не решится произнести это слово, но немногие эксперты пророчеств теперь были убеждены в этом: где-то в мире, в то же самое время, когда Папа так непредсказуемо скончался, появился на свет Антихрист. Подобные предположения были скрыты от мира, который посчитал бы внезапную и безвременную кончину настоящего мистикой. Тем не менее этот факт, без сомнения, подтверждался, *Комитетом Объединенной Святой Римской Церкви*, занимавшийся изучением появления Антихриста на земле, и давал повод толкованиям, основанным, в частности, на пророчествах Нострадамуса, где было указано точное время и человек, который будет Антихристом. Интерпретация текстов знаменитого и скандального французского писателя предсказывала, что новый Антихрист, возможно, явится в конце второго тысячелетия, в начале третьего. Согласно пророчествам Нострадамуса, он уничтожит Святой Престол и в результате масштабных катастроф мерзость запустения опустошат землю. Нострадамус предсказал, что момент рождения нового Антихриста приведет к смерти Понтифика: именно, Джованни Паоло I. Кардиналу Жан Мари Виллоту снова передали обязанности *Камерленго* Святой Римской Церкви, чтобы организовать Конклав и, одновременно поддержать судьбу Церкви, пока новый Папа не вступит в права официально и в полную силу. Некоторые уважаемые члены Универсального Комитета захотели сообщить ему о пророчестве, чтобы Церковь могла защитить себя от подобного злого присутствия. Виллот, однако, не захотел верить в такую версию, интерпретировал ее как фанатичную убежденность в узком кругу священнослужителей, хотя и подкрепленную христианскими принципами. Тем не менее, он был намерен поговорить с новым преемником *Петра* сразу после избрания, но к сожалению, он так и не успел углубиться в этот вопрос, совершив таким образом ошибку. Кардинал Жан Мари Виллот умер на следующий день избрания нового Папы: Джованни Паоло II, он же Кароль Йозеф Войтыла. По этой причине, о пророчестве Нострадамуса никто не говорил более тридцати лет.

9.

Александрия Египет, год 1799

Родившийся в 1769 году, Наполеон Бонапарт был полководцем, государственным деятелем, императором Франции и королем Италии. Принадлежал к мелкому провинциальному дворянскому роду Корсики, был направлен отцом на военную службу: в шестнадцать лет он получил звание младшего лейтенанта артиллерии. Франция в то время сталкивалась с беспорядками Французской революции. За достоинства Бонапарта в 1791 году назначили командиром батальона, а всего два года спустя бригадным генералом. Глубоко связанный братской дружбой с Робеспьером, он тоже был арестован после попытки неудачного переворота, а затем оставил армию. С характером эмоциональным и беспокойным, Бонапарт был человеком, жаждущим власти, с ярко выраженным чувством эгоцентризма; тем не менее, сильный авторитет завоёванный в полях, в последующие годы удалось восстановить, ценой чудовищных преступлений, направленных против некоторых государственных деятелей, совершив, таким образом, настоящий переворот. Позже, в 1798 году, в двадцать девять лет, ему была поручена экспедиция в Египет, где было суждено судьбоносно сократить дистанцию Англии с Индией и другими ее колониальными владениями. Это была победная кампания: он захватил остров Мальту, Александрию и начал продвигаться к Сирии, но эти победы были подорваны английским адмиралом Нельсоном в бухте Абукира. Но не только это, и был еще один эпизод, который отдалил его от мечты о славе и победе: в 1799 году французская армия была поражена и уничтожена чумой.

Уриэль де Фонтен был молодым французский солдатом, который отличился в многочисленных победоносных африканских сражениях, позднее Бонапарт взял его с собой, как незаменимого помощника в военных действиях. В этот черный период великого полководца утешал де Фонтен, и это способствовало возникновению доверительных отношений. По случаю скромного ужина, оба были полны намерения попробовать хороший коньяк.

«Мой командир, – начал де Фонтен, – уверен, что у меня есть чтение, которое нужно пройти, чтобы освежить ваш дух и сделать вас сильнее, более решительным и победоносным».

Бонапарт был страстным читателем и проглатывал десятки всевозможных книг, хотя основным его чтением были карты, в них он отображал свои военные стратегии.

Он проявил любопытство: «Почему нет! Мой прекрасный друг, от хорошего чтения никогда не отказываюсь, я прочитаю ее, прежде чем пойти отдохнуть».

Уриэль де Фонтен протянул ему книгу, заметив удивленное выражение лица Бонапарта. Объем книги был значительным и ценным; рельефный пентакль на филигранно обработанной кожаной обложке, делал ее тревожной и, в то же время, привлекательной. Бонапарт открыл и начал читать непонятные предложения. Зашифрованный текст книги воодушевлял ощущением, который он не мог объяснить.

«Что это за книга, Уриэль?»

«Не волнуйтесь, мой друг, – убедительно ответил де Фонтен. – Читайте, и вы поймете каждое слово, но вам не нужно бояться, откройте свой ум, чтобы понимать, и вам будут даны ответы, которые вы ищете».

Завороженный спокойным голосом парня, Бонапарт прогнал странное чувство опасности и снова открыл книгу. По мере того, как он продвигался с чтением, он почувствовал, что растворяется в этих знаниях, осознав каждую выдающуюся возможность, которая появилась у него на горизонте. Он прочитал ее на одном дыхании, возвратившись к реальности только тогда, когда ее закрыл, после того, как он усвоил последнюю из всех страниц. Он оказался в своих квартирах в Париже, он больше не был в Александрии в Египте, он больше не был в

компании с Уриель де Фонтеном, и он не мог найти книгу, которую он только что уронил на кровать. Был 1802 год, прошло три года с тех пор, как он начал читать. Однако он помнил содержание, в каждой детали и частности.

Библия дьявола. Он сам сказал.

Год 1802-1815.

Бонапарт почувствовал в себе новые силы и проницательность, в тридцать три года, при поддержке армии, он установил настоящую военную диктатуру, которая дала жизнь конституционной реформе, поручив трем консулам всю исполнительную власть во Франции. Был избран Первым Консулом, управлял огромной силой, основанной на административной, экономической и правительственной централизации. Бонапарт был сторонником массовых реорганизаций, законодательных реформ, определил большое значение Гражданскому Кодексу, который распространялся на все хозяйственные устои, в нем были закреплены принципы свободы личности, равенства юридического лица и частной собственности. Он провел реформу государства, всегда ссылаясь на принцип права равенства между людьми, с единственным отличием только для себя. Он провел так называемые *Наполеоновские* войны, организовав глубокие реформы даже в подвластных странах. Его карьера достигла максимального великолепия, когда он был коронован Папой и Императором Франции на великолепной церемонии в Соборе Нотр-Дам, в следующем году он провозгласил себя королем Италии, императорским указом, подписанным самолично. Его империя и царство продолжались недолго, всего десять лет, но эти годы были увенчаны невероятными военными событиями и политическими успехами. Он был велик во всех смыслах, пока не был сослан на остров Эльба в 1814 году. Не согласный с решением, через год Бонапарт бежал из плена и высадился во Франции, чтобы реорганизовать армию, мечтая вернуть себе власть. Через сто дней он встретил Уриэля де Фонтена, такого же молодого, как тогда.

«Невозможно иметь все и всегда, – сказал Уриэль, – теперь пришло время освободить место для других достойных».

Сказав это, он исчез, забрав его ум и душу. Успехи, сила и решимость Наполеона Бонапарта закончились его поражением, в тот же день, на полях Ватерлоо.

Он угас через шесть лет спустя, в полном одиночестве со своим эго.

10. Гора Мадонны, год 1978

Брат Паскуале был полон отчаяния, парень выполнял задания и упражнения похвально и никогда не жаловался на длительные тренировочные сессии. Но Сантини был далеко не простым учеником, он был идеален для задачи Решателя, с максимальной физической и духовной силой, он был лучшим учеником, которого мог когда-либо пожелать каждый мастер. У него был единственный недостаток, который подрывает отличную работу, он был слишком яростным, чтобы достичь результата, у него не хватало терпения. Эта особенность монаха была исключительной: до тех пор, пока Томмазо не обретет терпимость, он не будет объявлен готовым. И в этом факте Сантини не был гениальным, и он это понимал; он мечтал услышать, о своей готовности с тех пор, как родился. Аргумент в моменте дискуссии.

«Если ты еще упорствуешь, и я оставлю тебя гнить на этой скале, это будет последнее, что я сделаю» – ругался монах.

Томмазо Сантини находился на самой высокой вершине остроконечной скалы с видом на опасную расщелину вершины Горы Мадонны, в лесу Бенедиктинского Монастыря. Он сохранял равновесие на одной ноге уже не менее четырех часов и должен был продолжать еще в течении двух, прежде чем поменять ногу, а затем опять терпеливо стоять в этом положении, по крайней мере, еще шесть часов, чтобы завершить упражнение, и так в общей сложности двенадцать часов. Смысл этого испытания был, в повышении чувства равновесия, в том, чтобы изолировать разум от тела так, чтобы он был в состоянии исключить каждую мысль, отличающуюся от чувства опасности. Этот тип упражнений, на протяжении будущих лет, позволит Сантини использовать ясный ум в опасности и четко реагировать в трудных ситуациях, преодолевая экстремальные обстоятельства.

«Я понял, мастер, – Сантини был истощен, но не подавал виду.– Но я не могу понять, что еще мне нужно сделать, чтобы доказать, что я готов. Я хороший боец, я могу использовать любое оружие, я храбрый, не безответственный, у меня хорошая культурная база, блестящий и бодрящий интеллект. Что вы хотите еще?»

«Фу! Это все, что не стоит и гроша! – ответил критично мастер. – Ты прекрасно знаешь, что твои враги будут иметь все, что есть у тебя, и больше того, чем владеешь ты, поэтому заткнись и сосредоточься!»

Как только монах закончил фразу, стремительным движением, бросил в Сантини непонятно от куда взятую палку, застигнутый врасплох Сантини, рисковал упасть в расщелину. Он приложил достаточно усилий, чтобы вернуть себе исходное положение, и он преуспел в этом, правда не без труда.

«Вот, ты и отвлекся, – сказал Брат Паскуале, – я же сказал, что ты не готов».

11. Мюнхен, 1922 год

Сын авторитарного и экспрессивного отца, Адольф Гитлер родился в маленьком австрийском городке в 1889 году. Ранняя смерть матери, к которой он был очень привязан, оставила глубокие раны в душе и, прежде всего, в психике. В школе он был трудным учеником и не блистал способностями. Он пытался интегрироваться, учиться и иметь гармоничные отношения с товарищами и преподавателями. Бросив учебу, переехал в Вену, пытаясь поступить в Академию изобразительных искусств. Движимый свободными художественными тенденциями, как рассказывают свидетели, он написал многочисленные картины, многие из которых подавали большие возможности, однако Академия художеств отвергала его в течение двух лет подряд, что вызвало в нем огромное разочарование. Его психологический портрет, тех лет можно назвать тревожным. Для Гитлера наступили мрачные годы, отмеченные эпизодами социальной изоляции, не говоря уже о серьезном физическом распаде. Он бродил по еврейскому гетто, как призрак, одетый в черное пальто и пренебрегая внешним видом. В первые годы взрослой жизни Гитлер начал развивать свой навязчивый антисемитизм, обсуждал политику с друзьями и знакомыми с горячностью, часто оставляя своих собеседников сбитыми с толку. Его речи были подчеркнуты крайними решениями, взглядами, с возвышением насилия в качестве единственного решения проблем, которые в то время преследовали общество. Он разбил все коммунистические теории, особенно из-за их отрицания буржуазных и капиталистических ценностей: только заслышав разговоры о коммунизме, это спровоцировало в нем приступы истерики, сводив его с ума демонстрируя, как состояние его хрупкой психики постоянно ухудшается. Когда Первая мировая война была у ворот, он переехал в Мюнхен, в Германию. Гитлер был даже рад началу войны, он с нетерпением ждал в ней участия. Он отличился на военном поле, получив множество наград, но Германия была разгромлена, что бросило его еще больше в уныние: он потерпел крушение своих идеи о победе, за которую он боролся в течение четырех лет. Это уныние с ним разделяли бывшие товарищи; один, в частности, всегда внимательно его слушал: молодой человек по имени Шайтан Ван Хаиден. Молодой человек, воспользовавшись еще одним обсуждением, проведенным Гитлером со своей обычной горячностью на пределах интеллектуального безумия, предложил ему чтение, которое обеспечило бы ему новую и более рациональную интерпретацию мышления, безусловно, антикоммунистическую. Гитлер просто упомянул антикоммунистическую политику, и в этот момент известный друг Ван Хаиден словно прочитал его мысли.

«Берегись, однако, – он предостерег его, – как только ты почтешь, ты не сможешь избежать своей судьбы – доминировать в мире».

Гитлер не думал, что может произойти подобное, решив, что друг дразнит его и охотно согласился. Ван Хаиден протянул ему книгу, открыв ее, он даже не заметил ее удивительной и редкой особенности. Сразу понял, что она была написана на неизвестном ему языке, но он хотел продолжить это чтение, начав фантазировать о своем будущем покорении мира. Он с энтузиазмом прочитал, понимая каждое слово, каждый рисунок, каждую карту и каждое указание. Добрался до последней страницы, вспомнил, что говорил друг: его будущее в завоевание мира и создание высшей расы. Он встал со стула и начал выкрикивать свое имя из окна: Адольф Гитлер, Дер Фюрер. Был 1922, Гитлер читал книгу в течение трех лет; Шайтан Ван Хаиден и книга исчезли без следа, но Гитлер не интересовался этим малозначительным парнем; теперь пришло его время: новая жизнь началась в тот день. Его новое существование началось с Конституции Национал-Социалистической партии немецких рабочих. Начало было бурным, но он выдержал арест. А во время заключения написал свой ужасный манифест, в котором он упростил свою

идеологию, превознес национализм, расизм, убеждения о превосходстве арийской расы, ненависть к евреям, коммунистам и многое другое: создал собственное Евангелие на последующие годы. Его выпустили через несколько месяцев, он вернулся к руководству партией.

Начался подъем нацизма.

Берлин, 1945 год

После первых триумфов Гитлер все больше и больше убеждался в том, что он является гениальным военным стратегом и отказывался слушать советы своих генералов. После вступления в войну с половиной мира, за несколько лет многие вещи начали меняться, немецкие войска терпели частые поражения, в то время как стратегическое поведение Гитлера становилось все более и более противоречивым, кроме того, ведение войны, начинало подрывать экономику Германии. Америка вступила в войну вместе с Великобританией, Францией, Россией и их союзниками, в Германии многие понимали, что конец все ближе и ближе, а некоторые составили заговоры, чтобы дестабилизировать Гитлера. Различные атаки провалились одна за другой, что для него было почти чудом. Но между тем ход войны менялся; его верный союзник Муссолини, после поражения Италии, получил меньшинство голосов и был арестован. Гитлер освободил его вторгшись на полуостров, на протяжении более двух лет уничтожил тысячи партизан, женщин и детей. Он проигрывал войну, союзники вступили на немецкую землю, советские войска стояли у ворот Берлина. Его последние сторонники пытались убедить его бежать в Баварию или Австрию, чтобы предпринять последнюю отчаянную оборону в горах, но он не захотел покинуть столицу, его войска были разбиты русскими на марше к центру Берлина. В конце апреля сорок пятого, смерившись с поражением, Гитлер решил жениться в своем бункере на Еве Браун, он вызвал священника, чтобы провести церемонию. Гитлер принимал религию, но не хотел о ней думать. После церемонии Адольф Гитлер и Ева Браун держась за руки покончили с собой, отравившись цианидом.

Так разбилась мечта Гитлера завоевать весь мир.

Священник подошел к двум телам и прочел непонятную панихиду. С легкой вибрацией из тела Гитлера отделился яркий концентрат света, который священник впитал в себя.

«Браво, Адольф, – сказал священник, – ты был полезным, но твое задание еще не подошло к концу».

Этим священником был Шайтан Ван Хаиден, выходя из бункера, он уносил с собой Библию дьявола.

12. Июнь 2011

Папа Джованни Паоло III издал Указ, о начале канонизации трех замечательных персонажей Церкви. Одним из них был ни кто иной, как Кардинал Жан Мари Виллот, таинственно скончавшийся в 1978 году сразу после преждевременной кончины Джованни Паоло I и избрания Джованни Паоло II, предшественника нынешнего Понтифика. В свое время Виллот был Архиепископом Парижа знаменитого Собора *Нотр Дам*, а также Государственным Секретарем Ватикана в течение двух сроков подряд и Камерленго в роковой 1978: год, когда Церковь увидела чередование трех Пап. Дело, которое привело к пути его канонизации, началось с эпизодов Второй мировой войны; в сороковых годах он отличился в создании сильной позиции против нацистского режима во время немецкой оккупации и защите французов. Были собраны факты и доказательства того, что Кардинал Виллот спас множество человеческих жизней женщин и детей, от резни, устроенной печально известной нацистской СС. Папа дал свою безусловную поддержку по делу о его канонизации. Несомненно, процесс канонизации несет огромную ответственность со стороны Святого Престола, Папа приказал Специальному Комитету провести обряд предварительного расследования, чтобы была обеспечена максимальная документальная прозрачность и соответствие мотивам, которые определили бы такое уважаемое признание. Кроме того, они должны были подтвердить документально доказательства благих действий связанных с Виллотом. Папа приказал открыть опечатанные контейнеры, где хранилась вся документация, принадлежащая Кардиналу Виллоту, в поисках дополнительных доказательств поддержки предстоящего признания. Задание выполнялось сотрудниками, среди которых под руководством Кардинала Федерико Оппини, Государственного Секретаря Ватикана была сестра Беатрис. Сестра Беатрис предъявила письмо, за подписью одного видного церковного деятеля, который, при Виллоте, занимал должность Председателя *Вселенского Комитета* Святой Римской Церкви. Президент этого важного органа направил этот текст Виллоту занимавшего пост Камерленго, то есть Высшей Власти Церкви, примечательно, что именно после таинственной смерти Папы Джованни Паоло I. Пожилая монахиня, сразу поняла, что этот доклад открывал конкретные ответы на причины внезапной смерти Улыбающегося Папы, в связи с чем, решила передать текст непосредственно Кардиналу Оппини.

«Что Вы нашли такого важного, сестра?» – сразу же спросил Оппини.

«Письмо, Ваше Преосвященство, – ответила монахиня, – но читайте сами».

Оппини взял очки, начал читать и был более чем напуган существованием этот документа. Он прочитал все на одном дыхании, даже не смог закончить, кровь застыла в его жилах, он стал белым, как простыня.

Посмотрел на монахиню и спросил: «Кто-нибудь еще читал этот документ, кроме Вас?»

«Нет, Преосвященство, – сказала сестра Беатрис, – как только я поняла, что это, сразу сообщила».

Оппини принял решение в одно мгновение, задействовал швейцарскую гвардию и вручил им сестру Беатрис.

«Сестра, уходите отсюда, сейчас же! – Оппини был настроен решительно. – До тех пор, пока не поговорю лично с Папой, Вы вручаетесь в распоряжение швейцарской гвардии под принудительный арест».

Обращаясь к гвардейцам, приказал: «Сестра Беатрис не должна никого видеть или говорить с кем-либо, пока не будет определено другое решение. Все это время, она будет заперта в Замке Сант Анджело в удобной камере и убедитесь, что бы ей гарантировали безопасность».

Стражи повиновались и взяли монахиню в недоумении и замешательстве под стражу. Между тем Оппини перечитывал документ, который сжимал в руках.

О, Боже мой! Боже мой! Какая трагедия: огромная трагедия! Оппини мысленно повторял это восклицание всю дорогу, которая привела его в кабинет Папы.

13.

Бункер Гора Мадонны, несколько дней спустя

Среди высоких холмов Теоло в провинции Падована, стоял прекрасный Святой монастырь, населенный семью милыми братьями, посвятившими свою жизнь отшельничеству. Холм получил свое название от Монастыря, освященного Богоматерью с точным названием Гора Мадонна. Во главе этой скромной общины монахов бенедиктинцев был Брат Паскуале, бодрый старец в возрасте ста десяти лет, активный и в бодром уме. Но это был необычный монастырь, внутри его периметра была любопытная антенная установка необычного размера. Все думали, что такие антенны являются ретрансляторами телевидения телекоммуникационных компаний, на самом деле, они входили в структуру связи *бункера* штаб-квартиры *Sanctum Consilium Solutionum*. Бункер был секретной базой SCS, органа Церкви. Секретность Совета насчитывала десятки веков, то есть с момента его создания, которое произошло в V веке, когда Папа Бонифаций I назначил первого *Решателя*, абсолютного главу Совета, мастера, только он будет участвовать, распоряжаться в нем и делиться знаниями только с Папой и Государственным Секретарем Ватикана. SCS был органом защиты Церкви, ее секретов и ее религиозной структуры, Решатель подчинялся только Папе, он был наделен Папским Кольцом, которое дало ему право получить полное послушание от любого, кто осуществляет какую-либо церковную функцию, поскольку его обязанности выполнялись в интересах Папы и Церкви. Таким образом, глава этого подразделения взаимодействовал с Генеральным Инспектором Жандармерии Ватикана, некоторыми подразделениями полиции, которые в случае необходимости должны были обеспечить помощь SCS и а также полное прикрытие и конфиденциальность его и его компонентов. И как следствие, нормы секретности не предусматривали наличие каких либо документов о SCS, которые бы содержали правила и назначения, эти секреты передавались между двумя авторизованными субъектами и разглашение каралось страхом отлучения от Церкви и обвинением в государственной измене, конечно, исключение касалось Папы. Решатель всегда был священником, но не мог выполнять свои обязанности в священстве, он также был свободен от служения в министерстве, служения месс, в случае необходимости, мог получить индульгенцию, чтобы искупить любой грех, совершенный при выполнении своих обязанностей. Тем не менее, другие приметы его личности и отчасти его функции, не знал никто, как местоположения секретного места SCS, даже Генеральный Инспектор Жандармерии. Немногие подозревали, что это место находится в монастыре Горы Мадонны. Они были почти близки к реальности, в действительности штаб-квартира SCS находилась в подземной базе, построенной в далеком 1956 году, на глубине более тридцати метров. Главным создателем проекта был тогдашний глава SCS, единственный Решатель ушедший в отставку: Брат Паскуале, он же Джованни Сантини, который занимал должность с 1937 по 1969 год, на протяжении тридцати двух лет. Нынешний Решатель Томмазо Сантини, занимал этот пост почти тридцать три года, гарантируя, таким образом, абсолютный рекорд продолжительности, побив даже двоюродного деда, Брата Паскуале, надеясь победить его и в долголетьи. Сантини имел в своем активе множество миссий, все положительно завершились, и поэтому он считался также самым умелым и опытным Решателем всех времен. В дополнение к хорошо натренированным и проработанным мышцам, высокому росту метр девяносто, обладал незаурядной внешностью, ледяные глаза и седые волосы, создавали жуткую ауру, нагонявшую на всех трепет. Мужчина был наделен исключительной культурой и интеллектом, но не гнушался, однако, применять свою физическую силу; опытный боец ушу, отлично владел древним китайским искусством с тысячелетними корнями, его руки были смертоносным оружием. Ушу было не только сложной и полезной спортивной деятельностью, но и историческим и культурным наследием Китая. Широко

распространённое и доступное только среди достойных, основанное на проверенных умственных способностях и координации всего тела: в этой дисциплине Сантини стал экспертом благодаря многолетним тренировкам с Денни, монахом Шаолинь его учеником, к сожалению, павшим при выполнении миссии более года назад.

Томмазо Сантини и Брат Паскуале прогуливались по тропе, ведущей к монастырю на Горе Мадонны. Их прогулки были одним из духовных учений, которые Сантини любил больше всего, он любил этого старого монаха, и считал его приемным отцом. Во время прогулок монах оказывал ему слова поддержки, утешения и мудрости, внушающие спокойствие его разуму. Брат Паскуале, будучи лидером штаб-квартиры SCS, считался своего рода *старшим членом и обладал привилегированным правом* в Совете. Конечно, он не участвовал в миссиях и в боевых действиях, но, оказывал поддержку ценными советами, иногда не соглашаясь с Папой, который считал его лучшим Решателем всех времен. Двое обсуждали новую команду Сантини.

«Нам необходимо время, почему ты решился собрать команду?– спросил его Брат Паскуале, – ты все еще видишь странные сны?»

Сантини стал серьезным: «Да, маэстро! Я потерял много учеников в различных миссиях, но только Денни часто является во сне. Это похоже на то, что он предупреждает меня о чем-то, что произойдет. Я пережил много испытаний, я пережил много смертей, но Денни очень много значил для меня, а я отправил его на смерть, осознанно, но я был вынужден это сделать».

«Ты не должен думать о нем, как о предвестнике опасности, – монах положил ему руку на плечо и, глядя ему в лицо, продолжал, – на все милость Господа. Все ученики, которых ты потерял, останутся в твоём сердце, но тебе нужно думать о живых, о твоих ребятах сегодняшних и о будущих. Сынок, ты больше не новичок, ты уже знаешь, что собираешься сделать и чего можно ожидать. Ты многим пожертвовал в своей жизни, и... Денни пожертвовал своей, все они умерли за Совет, посвятили ему свои жизни: это тоже часть твоей службы, к сожалению, однажды придет и твой час, Томмазо. На данный момент подумай о том, чтобы служить SCS с честью».

«Ты прав, маэстро, – ответил Сантини, – новая команда-это самое лучшее, чего бы я мог пожелать, и Ник почти готов взять бразды правления. Когда я смогу убедить Папу отпустить меня, я буду заботиться о тебе и монастыре».

Брат Паскуале рассмеялся: «Ха-ха-ха! Сынок, ты такой смешной. И в придачу ошибаешься. Посмотри, ты же не собираешься забирать старого монаха, ты хочешь уйти, чтобы жить, с милой Соней. И ты, взял бы с собой старого и умственно отсталого брата? Эти истории расскажи кому-то другому».

Они смеялись, продолжил Сантини: «Точно! Как бы то ни было, я хочу позаботиться и о старом дерьме, как я могу оставить тебя в покое, если ты всегда рискуешь привлечь неприятности».

Оба рассмеялись и продолжили разговор еще десять минут, когда на тропе появилась Мали, нервничая и тяжело дыша.

«Учителя, доброе утро для вас обоих, – начала она, запыхавшись, – поступил звонок о чрезвычайной ситуации».

Сантини посмотрел на Брата Паскуале: «Папа?»

Мали еще не смогла восстановиться: «Да, маэстро! Папа находится на линии уже десять минут. Он очень взволнован и не хотел вешать трубку и перезвонить».

«Черт, Мали, возвращаемся в Бункер, – сказал он, и вручил брата в руки маленькой монахини, – прошу, сопроводи Брата Паскуале в монастырь, я спешу услышать Его Святейшество».

Мали еще не отдышалась от гонки незадолго до этого, передала Сантини мобильный телефон с зашифрованным спутниковым каналом, по которому он непосредственно общался только с Папой, и Святым Престолом.

«Его Святейшество на линии, – сказала Мали, Сантини взял телефон и ответил, – Ваше Святейшество, всегда удовольствие слы...»

Его резко прервали слова Папы. Лицо Сантини потемнело и, через несколько секунд, они завершили разговор. Мали и Брат Паскуале замерли, готовые услышать новости, однако, ожидали напрасно. Решатель был серьезно обеспокоен. Если Сантини оставался молчалив и напряжен, это означало действительно проблемы, серьезные неприятности!

«Я должен быть в Ватикане, прямо сейчас, – он ничего не сказал больше, и только приказал Мали, – закажи частный самолет, я должен быть в Риме через пару часов».

И он пошел молча по тропинке, забыв о Мали и Брате Паскуале, погруженный в глубокую грусть, которая когда-либо существовала в его жизни.

14.

Ватикан, два часа спустя

Частный самолет приземлился в аэропорте Рима Фьюмичино через сорок пять минут после взлета в Венеции. Как только открылся борт, Сантини сошел с трапа и увидел три машины Жандармерии Ватикана и двух людей стоявших по стойке смирно: *генерала* Андреа Барези – Генерального Инспектора Жандармерии Ватикана и женщину, доктора Соню Казони, магистрата по связям при Святом Престоле. Сантини сжал в нежном объятии магистрата добавив длинный и страстный поцелуй, который когда-либо видел Барези.

«Может ты захочешь оставить ее, эй, вы двое! – воскликнул Барези, – не могли подождать, когда будете в машине, чтобы продолжать все ваши страсти?»

Сантини и Казони расхохотались.

«Рад вас видеть, учитель» – сказал Барези, обнимая Сантини.

Андреа Барези был комиссаром полиции, и чуть более года был назначен помощником Казони в Прокуратуре Рима. Отношения между ними начались с операции *Сумерерки*, во время которой судья и комиссар полагали, что Сантини был преступником, не зная о его функциях под руководством Ватикана. С той операции Казони влюбилась в Сантини, он отвечал взаимностью, но *необычным образом*, соблюдая уважение к выбранному церковному целомудрию. С другой стороны, Барези оказал огромное влияние на Сантини, познав его лучше, он наладил с ним отношения взаимного уважения, настолько, что он был удостоен чести стать его учеником. И поскольку пост Генерального Инспектора Жандармерии оставался вакантным, Сантини предложил Государственному Секретарю и уполномоченной комиссии, назначение Барези на максимальный пост Жандармерии.

«Должен заметить, что ты растолстел, – отвечал Сантини другу, – придется это исправить, я не хочу, чтобы один из самых моих близких друзей был толстым и дряблым».

Они сели в машину, взвыли сирены. Прибыли в Ватикан с безупречной пунктуальностью.

Папская резиденция

Сантини шел по бесконечным коридорам Ватикана, думая о телефонном звонке Папы за несколько часов до этого. Он не захотел раскрывать проблему по телефону, но предупредил его о серьезности вопроса. Папа Джованни Паоло III был твердым и решительным Понтификом, цельным человеком с выдающимися интеллектуальными способностями.

Что может взволновать такого человека? Мысли перебивали друг друга: новая преступная угроза против Церкви, фанатичная религиозная секта, которая угрожает ценностям христианства новыми убийствами?

Почему ты думаешь об этом, Томмазо, скоро узнаешь! Пойдя к большому portalу, ведущему в папскую резиденцию, швейцарские гвардейцы вскочили по стойке смирно и открыли тяжелые ворота, впуская его. Папа стоя, ожидал его вместе с Государственным Секретарем Ватикана, Кардиналом Федерико Оппини. Сантини поцеловал руку Папы опустившись на колено в знак почтения и с силой обнял своего друга Кардинала Оппини. Папа пожелал, чтобы протокол был короче, и объявил о начале встречи.

«Я вызвал тебя, Томмазо, – сказал он, – потому что в этот раз ваше вмешательство может быть решительным. Возможно, у Церкви появился враг, по правде сказать, не новый, но который до сих пор всегда оставался воображаемым. Я говорю об Антихристе, мой друг, об Антихристе».

Сантини был настроен скептически, но если Папа сообщал подобную новость, ничего не оставалось, кроме как внимательно слушать.

«Помнишь Кардинала Виллота, Томмазо?»

«Конечно, Ваше Святейшество, – ответил Решатель, – я обязан ему моим назначением. В 1978 году он был Государственным Секретарем Ватикана и Камерленго Святой Римской Церкви по случаю двух последовательных заключений».

«Ах да! Конечно. И вы же помните Папу Джованни Паоло I, Улыбающегося Папу».

Сантини не понимал, что означают такие вопросы, но отвечал Папе. «Конечно, помню! Это был Папа, который назначил меня за день до своей смерти. Я помню, это было как вчера, в ночь с 27 сентября 1978 года, в ту же ночь он умер таинственно, всего через тридцать три дня Понтификата»

«Ты знаешь, как он умер?»

Сантини чувствовал себя дезориентированным, Папа был всегда тверд, не любил бесконечные слестные игры, поэтому он не мог дать загадочные объяснения».

«Говорят, что он умер от сердечнососудистого приступа, Святость».

«Мы все так думали, но, похоже, это не так».

Джованни Паоло III почувствовал необходимость сесть. Кардинал Оппини сразу же вызвал монахинь, которым поручено помогать ему, но Понтифик сделал знак оставить его в покое.

Он хотел продолжать. «Извините, что задаю тебе все эти странные вопросы, Томмазо, но я хотел убедиться, что ты понимаешь контекст того, что я собираюсь сказать тебе».

Сантини сделал знак, склонив голову, Папа все понял.

«Мы нашли документ, который доказывает, что со смертью Джованни Паоло I сбылось пророчество, – начал Папа, – мрачное пророчество: приход Антихриста на землю. Заметь, Томмазо, не считай меня за религиозного переутомленного фанатика, я собрал все подтверждения вопроса нашими экспертами и учеными: есть большая вероятность, что это может быть правдой».

«Слушаю, Ваше Святейшество» – Сантини не считал Папу за фанатика или сумасшедшего, он даже не удивился, повторяющиеся сны, которые он видел в последнее время, он видел Дэнни, казалось, что все это находило объяснение подобному случаю; только теперь понял это.

«28 сентября 1978 года, – Папа повторил то, что сказал Сантини, – именно на следующий день после твоего назначения Решателем, умер Святой Отец. Это была внезапная, таинственная смерть, и причина смерти была классифицирована как сердечнососудистый приступ, чтобы закрыть настойчивые вопросы, которые весь мир задавал Ватикану. Но все понимали, что не это причина смерти».

Сантини был взволнован: «Боже Мой, Святость. Хотите сказать, что на самом деле причиной смерти Папы Лучано был... я имею в виду, что он был убит?»

«О, нет, нет! Совершенно нет, Томмазо, – немедленно уточнил, – Папа Лучано умер таинственно, никто, даже его медицинский персонал и обследования, которые были проведены с телом, не подтвердили и не продемонстрировали истинные причины его смерти. Я убежден, что никто его не убивал».

К Понтифику вернулся прежний цвет лица и решимость, он поднялся, глядя на Кардинала Оппини, как бы желая пригласить его продолжить рассказ.

«По крайней мере, до сегодняшнего дня, – продолжил Оппини. – В документах выдающегося Кардинала Виллота, хранящихся в Церкви, было найдено письмо, в действительности, официальный доклад Монсеньора Марко Биаджотти, в то время Президента *Вселенского Комитета* Святой Римской Церкви, члена Совета по изучению и распространению библейских ценностей и католицизма. Он бесспорный светило, уважаемый референт. Президент Биаджотти передал доклад Камерленго, а не Кардиналу или Государственному Секретарю, как максимально авторизированной Высшей Власти Церкви, во всяком случае, он знал об определениях Комитета и почему он был свидетелем фактов о новом Папе».

К Сантини пришел спонтанный вопрос: «И после этого, с новым Папой, что случилось?»

«Я знал, что ты спросишь меня, – сказал Оппини, – на самом деле, Виллот не передал этот документ новому Понтифику».

«Почему?»

«Потому что Кардинал Виллот умер, и так же таинственно, на следующий день избрания нового Папы».

«Но, узнав о смерти Виллота, – хотел уточнить Сантини, – Монсеньор Биаджотти должен был в любом случае передать документ к новому Папе».

«Это тот же вопрос, мне задал также и его Святость, Томмазо» – ответил Кардинал.

Папа снова вмешался: «Он тоже умер, Томмазо. Монсеньор Биаджотти умер через несколько дней после Виллота, также без очевидных на то причин. Кажется, что этот документ связан с загадочными смертями трех видных деятелей эпохи: Папы, Государственного Секретаря и Председателя Комитета Святой Римской Церкви. Три самых высоких церковных чина Церкви. Этот документ, похоже, скрывался от наших глаз около тридцати трех лет. Эти числа и факты, имейте в виду Томмасо, говорят за себя».

«Тридцать три, годы жизни Христа, тридцать три – дни Понтификата Папы Джованни Паоло I и тридцать три – это годы, прошедшие с тех пор, как было написано это письмо. Но цифра тридцать три, в этом документе, имеет еще более тревожную важность, мой славный друг».

Папа прочитал в Сантини некоторые отрывки из текста Биаджотти, который содержал реализацию древнего пророчества, забытого, но находящегося под пристальным наблюдением Вселенского Комитета Святой Римской Церкви: прихода Антихриста. Это пророчество, озвучил, Нострадамус, обращая внимание на появление четырех героев, которые представляли Антихриста на земле, в прошлом тысячелетии: в XIII веке Крестоносцы отлучили от церкви Бонифация I из Монферрато, в XVI веке знаменитый и гениальный художник, Леонардо да

Винчи, в XVIII и известный покоритель миров Наполеон Бонапарт и, в двадцатом, Адольф Гитлер.

«Все эти персонажи встречались с *врагом*, были захвачены властью его очарования и были его инструментами в их соответствующих областях, – сказал Папа. – Каждый из них, возможно, исключая Леонардо да Винчи, был жестоким убийцей и разрушителем человечества. Но также и Да Винчи, если мы хотим понять поступки врага, он настраивал человечество своим искусством и знаниями на разрушения. Учитывая невежество людей того времени, что не позволило реализовать его проекты, и привело к разрушению его злых замыслов».

Ни один человек в Церкви не осмеливался произнести имя Дьявола, в связи с этим по сути его называли врагом: тем, кто не ни что и никогда никем не может быть.

Папа продолжал объяснять документ: «В докладе говорится об отвратительной книге, каком-то томе, называемом *Библией дьявола*, следов которой никогда не было найдено. Похоже, что книга, написана кровью Апостола, который покончил с собой».

«Иуда Искарот» – уверенно сказал Сантини.

Папа кивнул и продолжил: «*Библия дьявола* написана на неизвестном языке, она могла быть прочитана и интерпретирована только авторитетными субъектами, знавшими врага лично, к которым он являлся под видом молодого человека. Он появлялся в поле их внимания, и реализовывал все их амбиции: если ты боец, ты мог побеждать, если ты ученый, ты станешь настоящим гением и так далее».

«И окончательный расчет заключался в том, чтобы забрать душу?» – справедливо подметил Сантини.

Оппини отвечал: «Именно так, Томмазо. Говорят, что тело Леонардо да Винчи было украдено, когда разорили семейную могилу, но наиболее весомые ученые священной теологии того времени были едины во мнении, что враг забрал тело и душу».

«И это все описано в этих исследованиях?»

«Точно! – ответил Папа. – Этот Биаджотти был, мягко говоря, скрупулёзен в своей работе: он не хотел пропустить ничего».

«Все это кажется мне захватывающим, Святость. Но какое отношение это имеет к Папе Лучано, Кардиналу Виллоту и тому же Биаджотти?» – спросил Решатель.

«Биаджотти указывает в документе на дату 28 сентября 1978 года, как дату вероятного рождения Антихриста, что соответствует безупречным богословным расчетам, которые объясняют связь, кстати, и с пророчествами Нострадамуса» – Оппини сделал дополнительное уточнение, зачитав финальный документ Биаджотти.

Ватикан в Рим, день двадцать восьмое сентября, 1978 года от рождества Христова

Пророчество Нострадамуса, содержащееся в четверостишье VIII.77 и IX.99, подтверждается богословскими исследованиями авторитетного Вселенского Комитета Святой Римской Церкви. В соответствии с этим указаны как периоды, так и символы, соответствующие Антихристу. Ожидается, что новый Антихрист придет в конце второго тысячелетия, в начале третьего. Согласно исследованиям Просветительного Комитета, произойдет разрушение Святого Престола, колоссальные катастрофы вызовут мерзость, запустения и опустошение земли. Нострадамус предсказал, что рождение этого нового Антихриста приведет одновременно к смерти Понтифика: в данном случае, Папы Джованни Паоло I, а затем еще двух видных церковных деятелей, иерархически подчиненных тому же Папе.

Высокопреосвященство, Камерленго и нынешний Государственный Секретарь, двое церковных и я, о которых указано в пророчестве, в связи с этим призываю Вас, проверить, полностью факты и произвести вскрытие тела нашего любимого Папы Джованни Паоло I, и так же наши, если пророчество окажется верным и правдивым, несмотря не на что Церковь может исправить положение на основе точных полученных знаний.

«Вскрытие, конечно не было произведено, – сказал Папа. – Похоже, Виллот не верил в подобные события, но он оставил за собой право, передать документ новому Папе. На самом деле, был смысл именно в официальных документах, которые он хранил. Но он успел донести эти знания, по крайней мере, до наших дней. Он и Биаджотти умерли почти в одно и то же время».

Сантини знал пророчество Нострадамуса: «Я знаю об этом предсказании, я тщательно изучал его, и я не расцениваю его как простую фанатичную фантазию Биаджотти».

Сантини не боялся давать правильное имя вещам и продолжал: «По словам Нострадамуса, Дьявол выбирал своих *жертв*, предопределяемых в соответствии с наклонностями, характерными для нечестия, такими как Гитлер или Бонифаций I из Монферрато, или тот же Наполеон. Я не исключаю связь с Леонардо да Винчи, хотя мало кто знает, и я все же убежден, что это гений рассматривался как таковой в первую очередь благодаря своим изобретениям и рисункам очень разрушительного оружия, настолько футуристического, что технологии того времени не успевали за его гениальностью, так что я согласен с Его Святейшеством. Но это пророчество говорит, что Антихрист третьего тысячелетия будет законным сыном Дьявола, поэтому версия считается весьма достойной».

Оппини и Папа смотрели во все глаза, поражённые и удивлённые. Сантини нередко демонстрировал свою культуру, они были сражены размерами колоссальных знаний и эрудиции этого человека.

«Именно так, Томмазо, – сказал Папа, – я удивлен, что ты знаешь это; я не знал об этом, если говорить искреннюю правду».

«Итак, Ваше Святейшество, Вы верите, что 28 сентября 1978 года появился Антихрист третьего тысячелетия? В 1978 году в конце второго тысячелетия, если быть точным».

Оппини опять обратился к документу Биаджотти: «Председатель Комитета уточняет, что субъекты, выбранные врагом, считались достойными только после того, как они прочитали то, что называется *Библией дьявола*, чтобы интерпретировать ее и понимать ее смысл, на прочтение и понимание уходило года, не дни, шесть, семь лет или больше. Но только на тридцать третьем году жизни субъект мог похвастаться способностями, которые он усвоил с этим чтением».

«Тридцать три года Христа, – Сантини размышлял вслух, – тридцать три дня Понтификата Папы Лучано, тридцать три года, чтобы появилось письмо Биаджотти. Много совпадений, чтобы быть достойным имени Антихриста. Также любопытно, что это мой тридцать третий год в качестве Решателя, но я думаю, что это совершенно случайно».

Ему пришло в голову: «Итак, согласно пророчеству, 28 сентября 2011 года, есть чуть больше трех месяцев, когда Антихристу на земле, законному сыну Дьявола, исполнится тридцать три года, и он обретет свои полномочия, полученные учения, которые он усвоил из Библии дьявола. В результате *уничтожения* Святого Престола на землю придут *огромные катастрофы*, и опустится *мерзость, запустение и опустошения*?»

Не нужно было отвечать, чтобы подтвердить, что Сантини понимает ситуацию.

У Сантини был последний вопрос: «В чем мое призвание, Святейшество?»

«Тебе придется найти Антихриста и убить его до того, как ему исполнится тридцать три года!»

Он понял, что Папа завершает, таким образом, обсуждение.

15.

Ватикан, в тот же вечер

Где искать Антихриста по миру? Спрашивал сам себя Сантини, выходя из резиденции Папы. Он не задавал риторических вопросов. Папа поручил убить Антихриста в течение максимум трех месяцев.

Надо сначала найти его. Он также полагал, что его представления обо всем были несколько скудны, не говоря уже о существовании. Он понимал, что где-то там есть сын Дьявола, но этот парень мог находиться в любой точке мира.

Что мне делать? Послать объявление: ищут сына Дьявола, звоните! Ему не нравилась сложившаяся ситуация, по его мнению, это была невозможная и нецелесообразная миссия. Действительно есть шанс, что Дьявол имеет на земле сына, намеревавшийся затеряться в мире, кроме того он задавался вопросом, как его остановить.

Застрелю его серебряной пулей? Нет! Это для оборотней. Чеснок для вампиров, так что, стрелять в него? Это выглядело как плохая шутка. Он предположил поговорить об этом с другими в Совете и спросить мнение Брата Паскуале о фигуре Антихриста, он знает практически все. Было трудно предположить, что у него когда-либо были реальные описания, и поэтому ему нужно мнение третьих лиц.

Это пророчество! С каких пор пророчества осуществились так, как они были написаны? Нет! Точно не этим вечером. Он прогнал мысль, и сосредоточился на том, что произойдет в ближайшее время: ужин с Казони и Барези. Погруженный в свои мысли, он направлялся в сторону припаркованного автомобиля в непосредственной близости от стен Ватикана, неожиданно перед ним предстала маленькая монахиня. Женщина была в одежде монахини и скрывала свое лицо.

«Вы уполномоченный Папы Римского, чтобы найти Антихриста?»— спросила монахиня с тихим, нежным голосом.

Сантини был взволнован. *Откуда она знает обо мне и истории Антихриста?*

«Простите?»

Он чувствовал себя идиотом, отвечающим таким образом, но надо было сосредоточить мысли на этом вопросе, чтобы позволить себе подумать, что ответить.

«Я сестра Беатрис, — ответила женщина, — это я нашла письмо Биаджотти для Кардинала Виллота. Они запретили мне говорить с кем либо, кое-кто запер меня в Замке Святого Ангела».

«Почему вы все это рассказываете мне, сестра?» — мгновенное изумление прошло, теперь Сантини было любопытно.

«Потому что они даже не дали мне времени, чтобы показать еще один документ, который я нашла, — маленькая монахиня продолжала, — У меня есть новое письмо, которое Монсеньор Марко Биаджотти передал Кардиналу Виллоту в 1978 году, я больше не осмеливаюсь передать его...»

В этот момент раздался оглушительный шум сирен и резкое торможение, за считанные секунды их окружили толпа вооруженных людей.

«Мы из Швейцарской гвардии, — тот, кто, казался, главным повернулся к сестре Беатрис, — Вы должны следовать за нами».

«Постойте! Один момент! — воскликнул Сантини. — Эта женщина со мной, мне нужно поговорить с ней».

Руководитель группы спросил: «Кто вы? Не вмешивайтесь, это не то, что может вас заинтересовать».

«Как раз наоборот!»

Сантини собирался показать Папское Кольцо, когда другой охранник схватил его сзади и искрутил, в тот же момент третий человек начал наносить удары кулаками по лицу и в живот. Его бросили задыхающимся и согнутым пополам. В тот же момент, группа схватила женщину, когда ее затаскивали в машину, перед ними грозно предстал Сантини.

«Интересно получить удар предательства, не так ли?»

Не дожидаясь ответа, он ударил стоявшего перед ним охранника кулаком в лицо, тот упал на землю, а затем взялся за другого, что держал монахиню. Оба были выведены из строя мгновенно, потеряв сознание.

Повернулся к трем другим, показывая Папское Кольцо: «Спокойно, мы на одной стороне».

Как оказалось, трое и не намеревались останавливаться, достали оружие и открыли огонь по Сантини. Что бы избежать пуль, он бросился побежать, быстро, как молния, чтобы укрыться за припаркованной машиной, охранники продолжали стрелять в сторону своей цели. Раздался внезапный гул серен, Сантини увидел три летящие машины. Он опустошил пистолет, но группа смогла скрыться, машины свернули на первом повороте, приняв в боковую улочку.

«Стой!» – этот приказ был для него. «Бросьте оружие на землю и медленно повернитесь с поднятыми руками!»

Сантини повиновался, увидев, напротив четверых мужчин, одетых в мундиры Жандармерии Ватикана, но они не узнали его.

«Здесь монахиня на земле! – воскликнул пятый, выскочивший неизвестно откуда, – похоже, она серьезно ранена, в нее стреляли. Я вызову неотложную помощь».

Жандармы обратились к Сантини: «Это ты стрелял в монахиню?»

«Нет!» – это был единственный ответ, который довелось ему сказать.

Он был в ярости и смятении: «Стреляли те из Швейцарской гвардии, я целился по колесам».

«Заткнись! – прошипел один из жандармов. – Ты поедешь с нами в участок».

«Ребята, постойте, что вы делаете...»

Страшный удар по затылку заставил Сантини потерять сознание и упасть на землю.

Центральная Жандармерия Ватикана, время 20.30

«Наконец-то ты очнулся!»

Сантини увидел лицо друга Барези с хитрой улыбкой на лице.

«Что ты смеешься, придурок, – тот ответил ему, недолго думая, – вместо того, чтобы помочь мне, твои головорезы разнесли мне мозги».

«Я знаю, маэстро, – ответил Барези, – но мои люди вмешались и видели, как ты стрелял в монашку, что они должны были бы сделать?»

Сантини был сражен: «Ничего не нужно было делать, абсолютно ничего и было бы более чем достаточно».

Они посмеялись над шуткой, сразу же вернулись к серьезному разговору. Сантини, понял, что он лежит на диване в офисе Барези, он попытался подняться, в голове жужжало, как будто там был целый улей, но он встал, справляясь с серьезной головной болью.

«Рассказывай все!» – сказал Барези.

«Есть немного, что рассказать, – начал Сантини, – вышел со встречи с Его Святейшеством, направлялся забрать машину. Там меня ждала одна монахиня, мне кажется, что она сказала, что ее зовут сестра Беатрис».

«Звали, ты имеешь в виду. Она умерла, по прибытии в больницу».

«Боже мой! Бедная женщина» – это был единственный комментарий.

Он принял новость и рассказал другу про швейцарских гвардейцев, напавшие на него, несмотря на то, что он показал Папское Кольцо, они хотели забрать сестру Беатрис, а потом начали стрелять в него. Он рассказал, что у него было впечатление, что эти люди не признали Кольцо и, следовательно, его власть.

«Они не выглядели как настоящие швейцарские гвардейцы» – заключил Сантини.

«На самом деле, – ответил Бари, – я попросил команду просмотреть отчеты и смены каждого охранника: не получается, что их люди выходили из Ватикана, тем более на машине. Если хочешь, давай поговорим с их командиром, и ты удостоверишься в этом лично».

Сантини кивнул, он был слишком любопытен и хотел разобраться в этом деле. Но он хотел знать, что случилось с маленькой монахиней.

«Сейчас она в *Близнецах*, – ответил Бари, – ожидает вскрытия».

«Я должен ее увидеть, – сказал решительно Сантини, – на самом деле, я должен ее обыскать».

Барези был поражен просьбой, но он знал этого человека и его тайны, Сантини должен обладать полной информацией, и он был в его полном распоряжении, как всегда. Он повелел агенту жандармерии подготовить машину и сопровождение. Взревели сирены, через несколько минут они оказались перед безжизненным телом несчастной монахини.

«Она мне сказала, что у нее был документ! – сказал Сантини Барези, – где сейчас ее одежда?»

Барези, уже отправил полицию в больницу, чтобы следить за порядком, попросил их показать одежду женщины. Одежда была немедленно доставлена, она была сложена в пластиковый пакет как хранятся доказательства и опечатана. Сантини в латексных перчатках, осторожно открыл конверт.

«Ничего нет! – и обращаясь к карабинеру, он спросил, – Вы нашли документ среди ее вещей?»

Полицейский покачал головой: «Вы должны спросить капитана Донолетти. Он ведет расследование».

«И где капитан сейчас?» – Сантини начал подавать признаки нетерпения.

«Я думаю, он вернулся к команде» – ответил полицейский.

Сантини и Барези осмотрели раны монахини. На теле были заметны два пулевых ранения: одно у горла, а другое в груди. Оба выстрела можно считать смертельными для потерпевшей, не было никаких вариантов выжить, она умерла менее чем за пять минут, истекла кровью, пуля, попавшая в горло перерезала сонную артерию. Другая пуля проникла прямо под ее сердце, любая попытка перемещения тела все равно убила бы ее.

Они отправились, чтобы встретиться с капитаном Донолетти в штабе карабинеров Рима.

Командный штаб карабинеров в Риме, время 21.45

Капитан Мауро Донолетти был великим человеком, карабинером, гордый тем, что носил оружие и служил Оружию, и Оружие гордилось им. Он не обладал красотой Адониса, лет шестидесяти, однако хорошо сохранившийся и по-прежнему в форме, казался, лет на десять моложе. Он был бывалый, опытный офицер. Его военные заслуги были высоко оценены, он участвовал в миротворческих операциях по всему миру: в Ливане, Гане, Сомали, Косово, Афганистане и даже в Антарктиде в качестве поддержки научной миссии. На известие, что в его казарме присутствует, никто иной, а Генеральный Инспектор Жандармерии Ватикана, капитан немедленно повел Барези и Сантини в свой офис. Донолетти был взволнован их визитом, ведь, Барези занимал самый высокий военный чин Государства Ватикан, соответствующий Верховному Главнокомандованию военного штаба страны.

«Генерал, – обратился он к Барези, признавая его значимость, – Вы не представляете, насколько высока для меня честь лично познакомиться с Вами. Я готов выполнять любые Ваши приказы и в полном Вашем распоряжении».

Барези был поражен таким приемом. Он узнавал, многочисленные медали и награды, которые украшали мундир офицера: «Спасибо, капитан, я искренне благодарен Вам за честь, Вы делаете мне честь обращаться к Вам как к уважаемому человеку высокого профессионального уровня».

Но что если нет? Размышлял Сантини.

Барези презентовал Сантини: «Это доктор *Бортолами*, юридический советник Святого Престола. Доктор Бортолами консультирует расследование убийства сестры Беатрис, которая, была убита на территории Италии, – что в вашей компетенции, капитан, но жертва была гражданкой Государства Ватикан, таким образом, расследование является прерогативой Жандармерии в сотрудничестве с итальянскими правоохранительными органами».

«Нет проблем, генерал, – ответил капитан, – я знаю правила. Ни со мной, ни с моими людьми, никаких проблем не будет, будьте уверены».

«Хорошо, господа, – Сантини прервал обмен любезностями, – мы можем перейти к вопросу, почему мы здесь».

«Как желаете, доктор Бортолами» – ответил Донолетти, казалось, что он понимает, что Сантини, безусловно, не является хорошо образованным и воспитанным *джентльменом*, как рекомендовал его Барези.

«Я хотел бы спросить Вас, капитан, – продолжил Сантини, – может Вы, случайно нашли письмо или документ».

«Конечно! – сказал капитан. – Оно было написано на латыни, я отправил его в лабораторию криминалистов, чтобы они анализировали и переводили его».

Лицо Сантини озарилось радостью: «Лаборатория здесь?»

«Ах, нет! – ответил военный. – Она находится в Эур».

«Капитан, – продолжил Сантини, считая, что дипломатии достаточно, – жизненно важно для Святого Престола, что бы этот документ не был заражен бактериями или вирусами, это древний и священный документ, он бесценен».

Капитан стал белым, как простыня.

«О, Господи! – воскликнул Донолетти, – я немедленно позвоню, что бы они не касались документа».

Вот так, браво! Подумал, Сантини и, тем временем, незаметно улыбнулся и подмигнул в Барези.

Эур, Рим – криминалистическая лаборатория команды карабинеров, время 22.15

Под конвоем из трех машин жандармерии, в которых находились Барези и Сантини, с двумя карабинерами, в числе которых был капитан Донолетти, прибыли к EUR, находившуюся в главном дворце науки Армии Карабинеров. Они вошли в центральную лабораторию, где им был предоставлен запечатанный пакет с доказательствами номер 6358B / 2011. Вверенный им документ был открытым и читаемым. Капитан сразу заметил подозрительную разницу.

«Мне не кажется, доктор, – сказал Донолетти, обратившись к Сантини или Бартолами, – что этот документ можно считать древним или священным, а еще лучше, бесценным!»

Сантини подтолкнул Барези, который вступил в рассуждения с капитаном, придумывая множество оправданий, чтобы он мог прочитать документ. С лихорадочным любопытством Сантини начал изучать документ, хорошо зная латынь, у него не возникло никаких трудностей с переводом. С первых же строк он понял, что письмо было вложением в тот же доклад, что Биаджотти передал Кардиналу Виллоту в далеком 1978 году. У капитана, не возникло больше подозрений после слов принесённых Барези, они показались ему убедительными, он угомонился и, вдруг заметил, что Сантини читает документ.

«Что он делает?» – спросил он.

«Я читаю это, капитан. Позвольте мне сделать это спокойно, и я все объясню».

Сантини продолжил чтение, не слушая никого. Капитан сделал выпад, чтобы вырвать документ из его рук, но его небрежно отодвинули, как будто не было его в этом месте. Сантини прочитал на одном дыхании весь текст, не отвлекаясь, затем взял зажигалку и поджег его под ошарашенными взглядами присутствующих, в том числе и бедного Барези, который уже видел себя арестованным, по праву осужденным и запертым в тюрьме *Королевы Коели*.

«Но он сошел с ума? – прогремел капитан, тут же достал оружие и наставил его на Сантини. – Оставьте его, повторяю, немедленно оставьте его или я выстрелю!»

Глаза Сантини вспыхнули, его взгляд стал жестким и ледяным, Барези, зная друга, сразу же понял, что в нем вот-вот взорвется смертельная ярость, но не успел вмешаться. Сантини внезапно разоружил капитана с молниеносной скоростью, что никто не мог понять, как он это сделал, схватил его за шею, поднял, и повалил на стол, как мешок с картошкой. Бесчеловечным взглядом он посмотрел капитану в глаза, этого было достаточно, чтобы капитан понял, что этот человек убьет его, не моргнув и глазом. Каждый из присутствующих был психологически заблокирован страхом перед этой внезапной и неожиданной реакцией.

«Я не принимаю приказов ни от кого!» – прогремел Сантини, сжимая еще больше шею незадачливого военного.

Ситуация разрешилась вмешательством Барези, который обратился к Сантини с должной деликатностью, чтобы избежать дальнейших внезапных реакций друга, предлагая оставить капитана. Сантини бросил еще один угрожающий взгляд на военного и ослабил захват. Затем резко развернулся и вышел из комнаты, не сказав ни полслова.

Через несколько минут, догнав друга за пределами дворца, Барези заметил, что тот идет совершенно спокойно, даже не проявляя признаки беспокойства.

«Какого черта на тебя нашло? – сразу же начал он. – Мы рисковали быть арестованными, ради Бога! Я должен был извиняться тысячу раз, не хочешь мне объяснить?»

Сантини посмотрел на друга и положил ему руку на плечо: «Я должен был это сделать, Андреа, доверься мне».

Было очевидно, что Барези слепо доверял ему, уважал его, как никто другой, на самом деле, подобное доверие испытывала и его старая подруга Соня Казони. Именно мысль о ней отправила его в еще большее волнение.

«О, черт возьми, нет!»

«Что с тобой теперь?» спросил Барези у Сантини.

«Соня убьет нас обоих».

«О, Боже! – Сантини воскликнул так, что казалось, он взошел на эшафот, ожидая приговора быть повешенным, – мы забыли об ужине, Соня действительно убьет нас. Я скажу, что это была твоя вина, она любит тебя, и она ничего тебе не сделает. Ведь мы же друзьями, не так ли?»

«Ах да, дружище действительно! – ответил Барези, – но если мы должны покрывать друг друга, то почему бы тебе не взять на себя вину? В любом случае, я позвоню ей, и это будет лучше для всех».

Барези позвонил в Казони и Сантини ясно услышал ряд эпитетов против него и его друга.

Сардинский ресторан – Рим, время 22.45

Барези и Сантини вошли в ресторан сардинской кухни, в центре Рима, далеко за полночь. Казони простила их, она была осведомлена о причинах задержки, она ожидала их почти два часа, а леди никогда не должна ждать своего рыцаря. К счастью, с ней была Лючия Арагонези, подруга Барези, и они определенно не скучали. Две женщины подружились с тех пор, как они были представлены друг другу в первый раз, этот вечер должен был быть особенным для пары Барези и Арагонези, готовые объявить о своей свадьбе. Компания не хотела портить ужин, отложили все рабочие вопросы, и провели беззаботный вечер. Заведение закрывалось в час ночи, но владельцу, учитывавшему известность Барези и Казони, которые были его постоянными клиентами, не было никаких трудностей, чтобы просто оставить их на месте, кроме того, он предложил огромное количество сардинских сладостей в сопровождении нескольких бутылок «Фило ди Ферру», бренди из Сардинии высокого градуса. Сантини собрался поздравить короткой речью суженных, поднимая третий бокал бренди.

«Я не думал, что такой, как Андреа, вообще может понравиться женщине, и тем более не объясню, чтобы в него влюбилась редкая красавица, такая как Лючия. Генетически это почти невозможно, но я счастлив, за вас двоих».

Последовали смех, нежные и искренние объятия.

Барези обратился в Сантини: «Я многим обязан тебе, Томмазо. Я был бы счастлив, что ты был моим шафером».

Настала очередь Лючии, обращаясь к Казони: «А ты с моей стороны, Соня».

Позже они потеряли счет тостов, и выпитое начало производить свои эффекты, по крайней мере, на Сантини, который чувствовал себя немного в тумане. Время приближалось к трем, и для друзей настало время уходить, когда внезапно начался ад: вооруженная группа, появившаяся на входе, открыла шквальный огонь против четырех посетителей. К счастью, многочисленные телохранители были трезвы и хорошо вооружены, сразу же ответили на огонь, защищая четырех персонажей. Барези и Сантини среагировали, перестрелка продолжалась всего пару минут, командос разделившись, улетучился в одно движение по узким улочкам Рима. Сантини и часть жандармов бросились в погоню. Вход изрешетили пулями, но казалось, что никто из посетителей не пострадал, кроме легких травм у некоторых телохранителей, вызванных сумасшедшим дождем осколков из стекла. Барези справился о состоянии здоровья Казони, что спряталась за перевернутым столом, она еще не оправилась от испуга.

«Ты в порядке?» – спросил он ее.

«Да, Андреа, все в порядке, но где Лючия?»

Оглянулись вокруг и увидели, что ноги Лючии видны из-под перевернутого стола, Барези поднял его, как бумажный, и наклонился, чтобы убедиться в состоянии женщины. Он позвал ее, прошептал ее имя, а затем, когда осознал ситуацию, заорал, наполненный болью. Между тем, Сантини вернулся вместе с жандармами, злоумышленники смогли скрыться, не оставив следов. Он увидел отчаянно икавшую Казони, и как Барези обнимает Лючию, с ужасом и отчаянием в глазах. Он осторожно подошел, боясь узнать то, что уже предполагал: Лючия Арагонези умерла.

Прямой выстрел в сердце прервал молодую жизнь.

16. Падова, время 09.00

Роскошная, историческая вилла палладиана семьи Бомпиани вписывалась в средневековый контекст Центра Падова, завидного размера парк лесного содержания. Витторио Бомпиани был успешным промышленником, его мебельные фабрики насчитывали более девяноста филиалов по всему миру, с миллиардными счетами. Вместе со своей женой Сарой он вел роскошную и впечатляющую жизнь, всегда занят на работе, часто в командировках, они имели великолепную жизнь неувядающей пары. В дополнение бизнес интересам и любви двое супругов разделяли еще одно соучастие: они были главными представителями *Секты Темных*; антиклерикальной организации с пагубными традициями. Фанатизм пары проявлялся во всем, что касалось Секты, она заставила их пожертвовать своей единственной дочерью Паолой, когда в далеком 1977 году они провели с ней грандиозный и жуткой сатанинской ритуал, который человек когда-либо пытался осуществить раньше: искусственное оплодотворение с использованием спермы особого донора, *парня*, одержимого дьяволом. Согласно древним ритуалам, известным секте, эта процедура была описана в гнусной книге под названием *Библия Дьявола*, от которой и пошло название секты. Ребенок, рожденный подобным образом, является прямым потомком Дьявола. Были другие лица, *избранные* Сатаны персоны прошлого тысячелетия, но ничто и никто не могло приблизиться к греховности, которую воплощал законный сын Дьявола; Белиал Бомбиани был настоящим, единственным и неоспоримым сыном Сатаны, Антихристом на земле. Витторио и Сара Бомбиани, бабушка и дедушка по материнской линии, начали процедуру усыновления Белиала, когда он только появился на свет. Организация сделала так, что ребенок был как бы оставлен перед входом в частную клинику. Супругам Бомбиани удалось оформить Белиала по всем нормам закона, благодаря вмешательству друзей из высших эшелонов власти и огромным суммам денег, все было поставлено на правильные рельсы. Белиал был воспитан, в любви приемных родителей, которые ему приходились бабушкой и дедушкой. Они его наполнили вниманием, дали ему безупречное образование, отдавали учиться в лучшие школы, где он всегда отличался изобретательностью и прилежанием. Последние семь лет Белиал был перезен в тайное место, отдаваясь чтению пресловутого текста: Библии Дьявола. В сентябре того же года, именно двадцать восьмого числа, Белиалу исполнится тридцать третий день рождения, возраст, необходимый для того, чтобы осуществить древнее пророчество.

Настоящая дочь супругов Бомпиани, Паола, была найдена мертвой в 1978 году, в результате страшного дорожно-транспортного происшествия. Никто никогда не знал о реальной причине смерти и истинных фактах катастрофы.

«Какое счастье, что нам удалось перехватить телефонный звонок солдата швейцарской гвардии невесте, он рассказал ей все о документе, обнаруженном сестрой Беатрис» – так начал Витторио Бомпиани.

В тот момент на вилле собрался ограниченный круг членов Секты Темных.

«О да! – отвечал старый профессор Джанни Каллегаро, который также являлся ярким представителем Секты. – К счастью, мы были предусмотрительны, до события осталось всего несколько месяцев, очевидно, что ученые Ватикана возможно уже проанализировали пророчества Нострадамуса придя к выводу, что произойдет неизбежное явление. Наша организация создала условия, этому приходу, и, как мы и думали, туда прибыл представитель Ватикана, но уже поздно, наконец-то Церковь, будет повержена».

«Это будет не так просто, – сказал Белиал вставая с кресла и оглядывая присутствующих своими черными глазами, окруженными жутким красным ореолом, – Папа поручил этому человеку выследить меня и убить».

Белиал был обворожительным, образованным и гениальным мужчиной.

Витторио Бомпиани возразил: «Сынок, что может сделать простой человек против Избранного?»

«Ничего не может, отец, – ответил Белиал, – но я видел глаза этого человека, они выражают большую внутреннюю силу, а не только физическую, и Вера его очевидна. Этого человека не стоит недооценивать, он является носителем чего-то, что все еще ускользает от меня».

«Хорошо, моя любовь, – отвечала приемная мать Сара, – но эта монахиня не успела поговорить с ним, он знает только о пророчестве, он не знает, где искать и с кем он имеет дело. Организация защитит секрет, защитит тебя, пока ты не будешь готов. После вступления в силу, ни Ватикан, ни другие, никто больше не сможет остановить события».

Белиал встал на колени перед приемной матерью или бабушкой. Взял ее руку и коснулся ее нежным поцелуем.

«Моя дорогая мама, – сказал он ей успокаивающим голосом, – я знаю, что вы поклоняетесь своему сыну, но я не могу спокойно смотреть, что происходит, я должен доминировать над событиями. Я не желаю, чтобы ваша жертва оказалась напрасной фантазией. Я одержу победу над Церковью, но сначала я должен остановить этого человека, он единственный, кто может вызвать у меня проблемы, я предчувствую его решимость».

«Что ты собираешься делать, Избранный?» – спросил профессор Каллегаро.

«Я убил монашку, – ответил он, – сейчас самое время умереть и этому человеку».

Белиал осмотрел всех огненным взглядом и постановил: «Умрет и жандарм, который был с ним, как и кто-либо другой собирающийся восстать против меня».

17. Ватикан

Сантини и Казони остались на всю ночь с Барези в больнице «Близнецов» Рима, молчаливое присутствие в момент огромной боли. Барези был сильным человеком, но эта смерть потрясла его душу. Они находились в его кабинете Жандармерии Ватикана, пока друг спал на диване. Врач прописал ему сильное успокаивающее средство, которое заставило его уснуть, по крайней мере, на пару часов, но сон Барези был взволнованным, он часто тревожился во сне. Казони продолжала его гладить, хотела успокоить, дать почувствовать свою близость и причастность. Сантини проверял показания и видео наблюдения, которые Жандармерия собрала вместе с карабинерами. Несчастливая Лючия Арагонези была гражданкой Италии, поэтому Ватикан не мог принять участие в расследовании его смерти, но Сантини посоветовал заместителю Барези утверждать, что нападение было совершено против жандармов Государства Ватикан и против судебной власти Святого Престола. Сам он не хотел ничего говорить, но постоянно контролировал информацию о каждом элементе. Мало кто понимал, кто он, однако каждый жандарм знал, что он был важной фигурой Государства, более того, всем хорошо известна значимость Кольца Папы, никому и никогда не придет в голову поставить под сомнение его авторитет. Лука Барбьери, заместитель Барези, срочно вызвал Сантини в свой кабинет, когда они вошли, они увидели, что там был гость.

«Ваше Превосходительство, пожалуйста, проходите, – сказал Барбьери, – я попросил капитана Донолетти пояснить ситуацию. И хотел, чтобы Вы тоже присутствовали на встрече».

К сожалению, Барбьери не знал конкретных характеристик конфиденциальности о Сантини; этот инцидент не сулил ничего хорошего.

Почему, каждый раз, когда я прихожу в Ватикан, всегда поднимаю все с ног на голову? Сказал сам себе, приветствуя дружелюбно капитана.

«Без обид!» – с необычной любезностью он обратился к капитану.

Ну, это он их забрал! Думал Сантини, которому отвечали: «Взаимно!» затем он уселся, думая о том, что сделать, чтобы выйти из этой неловкой ситуации.

«Похоже, вы, капитан, уже знаете его Превосходительство доктора Сантини» – начал активно Барбьери, обратившись к капитану Мауро Донолетти.

«Конечно, я знаю его, я имел удовольствие вчера встретиться с Его Превосходительством, доктором Сантини, – саркастически отвечал Донолетти, и продолжал, – однако, на мой счет не поступало распоряжений, что его звание Превосходительство».

Сантини ни на кого не смотрел, потому что он чувствовал себя придурком: «Томмазо, капитан, Томмазо Сантини».

Капитан записал имя в своем блоке: «Я запишу это, чтобы я не забыть об этом, если Вы не возражаете Ваше Превосходительство?»

«Разумеется, капитан, – ответил Сантини, который уже собирался взорваться, – если его забудете, у меня не возникнет проблем с тем, чтобы освежить его в памяти, возможно, закончим вчерашнее обсуждение, на том, когда мы встретились».

Капитан не теряя спокойствия отвечал: «О, мне так жаль, что я не смог продолжить приятную беседу. Я хотел, чтобы она продолжалась следующие несколько лет, что бы я снова мог с удовлетворением наслаждаться Вашей компанией».

Черт, этот мне угрожает? Подумал Сантини, чувствуя, как начинают набухать вены не шее.

«Это конечно было бы лучше, для вас капитан», – затем, он убедительно дал ему понять, что если тот снова возобновит перепалку, то преждевременно завершит свою работу.

«М..да! Не думаю, что я многое понял из вашего разговора, но, возможно, нам лучше поговорить о проблеме, из-за которой мы здесь» – заключил Барбьери, подключившись к таинственному разговору связав его с атакой и за несколько часов до этого и с убийством монахини.

«Мы проверили, – продолжил он, – напали на доктора Сантини и сестру Беатрис не швейцарские гвардейцы. Я бы сказал, что вполне возможно провести связь между этими нападениями и атакой утром на ресторан».

«Согласен с вами, инспектор, – ответил Донолетти, – добавлю, похоже, что целью этих людей был Его Превосходительство, доктор Сантини».

Сантини размышлял над подобной гипотезой, но не было никаких логических доказательств, и кроме того, он был в бешенстве.

«Этим людям была нужна монахиня!» – уверенно заявил Сантини.

«Как говорится, Превосходительство...» – Донолетти притих.

«Перестань брать меня за задницу с этой историей с «превосходительством», – Сантини посмотрел на него, – скажи любое другое слово или я уничтожу тебя идиота».

Настал момент напряженности и обмена враждебными взглядами, но Барбьери быстро принял правильное решение: «Я оставляю вас одних в офисе, чтобы вы могли переговорить».

Это было хорошее решение, двое избили бы друг друга до смерти, если бы не выяснили отношения, Барбьери не хотел быть посредником между ними, в момент когда они подстигивали друг друга. Поэтому, он сказал, что должен выйти из комнаты, оставив двоих, которые выглядели несколько неловко.

Сантини, взял инициативу на себя: «Прошу прощения, капитан. Я не думаю, что провел последние часы с должным спокойствием ума, и я еще не хорошо владею головой. Без обид?»

Он предложил ему руку, которую Донолетти сильно сжал: «Конечно, да! Мы на одной стороне, не так ли?»

Сантини кивнул: «С разными задачами, но все же на одной стороне!»

«Скажите мне, кто вы, Сантини?» – спросил капитан.

«Я знаю, что ты попытаешься это выяснить», – ответил Сантини, убежденный, что капитан займется этим. – «Однако ты ничего не найдешь. Тебе будет достаточно знать, что я хороший парень, надеюсь, этого будет достаточно, потому что я не могу предложить больше, чем это».

«Я уже слышал однажды о каком-то сверхсекретном агенте Ватикана с исключительными полномочиями, – Донолетти произвел настоящий выстрел из пушки, – выдающийся, преданный и верный боец за правое дело Церкви. Говорят, что он действует от имени Папы во многих миссиях, которые затем секретизируются правительствами всех стран, в которых он действовал. Что и говорить, персонаж высокого уровня и конфиденциальности, ходят многочисленные слухи, Вы знаете, многие детали непосредственного участия этого человека во внушительной разведывательной операции чуть больше года назад. Она была проведена судом Италии, который отделен от Святого Престола, доктором Соней Казони. Мне кажется, я помню, что этот процесс был против преступной организации, которая потрясла половину мира; как ее звали: сум ... суме...»

«Сумерки?»

«Да, Сумерки! Вы тот человек, не так ли? И доктор Казони была в ресторане в вашей компании и генерала Барези: два главных героя этого знаменитого процесса. Но я убежден, что Вы персонаж, который осуществил эти выдающиеся аресты, а затем вернулся в тень, покрытую непроницаемой Государственной тайной».

Сантини не ответил.

Донолетти не нуждался в подтверждениях, он был уверен: «Ничего не говорите, я знаком с конфиденциальностью, которая была проведена в свое время. Но мир тесен, и ваше прикрытие».

тие слишком зыбко, и кто-то хочет, устроить праздник всех злодеев, которых, как я полагаю, нужно отправить за решетку».

Сантини уточнил: «Уверен, что мы оба закончили наш разговор, и я считаю, что уместно, чтобы наша беседа завершилась сейчас».

Он встал и вышел из офиса преследуемый капитаном, которому не хотел бросать кость.

«Почему они хотели убить ее, Сантини?» – кричал он в спину, и бежал по коридору, который они пересекали, чтобы выйти из здания Жандармерии. «Что связывает убийство монахини с Вами? Кто эти люди? Чего они от нее хотят? Вы должны ответить мне, иначе...»

«Иначе что? – Сантини остановился и поставил себя перед капитаном, который доходил ему до груди. – Что вы можете сделать со мной, если я не отвечу?»

Капитан показал, что не боится сравнения: «Воспрепятствование осуществлению правосудия, например».

«Это не выдерживает критики, я дипломат Святого Престола» – Ответил Сантини

«Я мог бы арестовать вас официально».

«Не правда, я присягнул на верность и конфиденциальность моему Государству» – Сказал Сантини.

«Шпионаж?»

«Не смешите меня, я ни за кем не шпионил» – Сантини с усилием не засмеялся.

«Тогда, за неправильную парковку автомобиля взятого на прокат» – Донолетти показал Сантини штраф с хитрой улыбкой на лице.

Сантини взял листок и начал читать, действительно это была машина, которую он взял напрокат и припарковал вне стен Ватикана, на итальянской территории и в неподобающем месте. Он не удержался, засмеялся и капитан сделал то же самое.

«Не играйте со мной, капитан, – сказал он ему, пока он все еще смеется, – это не будет для меня антипатией, которая заставит меня изменить мнение о наших отношениях».

«Ну! По крайней мере, я попытался» – ответил Донолетти и порвал штраф.

Сантини посмотрел на мужчину, глядя ему прямо в глаза, кроме симпатии, которую, обнаружил в последние мгновения, капитан, действительно казался заинтересованным в понимании ситуации, а не в поиске какой-то государственной тайны.

«Ты меня проводишь? – спросил Сантини. – Мне нужно подышать свежим воздухом».

Они прошли долгий путь, по дороге, ведущей к стенам Ватикана.

«Ты только слышал о Сумеречной операции, – сказал ему Сантини, когда они шли, – но даже не знаете самого маленького аспекта или деталей».

«Возможно, это тоже правда, – ответил Донолетти, – это была моя попытка заставить вас понять, что у меня нет ничего против вас. Оба нападения, в которых вы участвовали, однако, ведут к вам; мне кажется логичным, что, я должен провести расследование смерти сестры Беатрис и Мисс Лючии Арагонеси, я должен начать с единственного элемента, который объединяет два убийства: с вас Сантини. Кроме того, Арагонеси – дочь сенатора Итальянской Республики, видного деятеля, который, скорее всего, будет назначен министром. У моей команды не открыта задница».

«Я уже сказал, что вчерашние парни хотели, сестру Беатрис, а не меня, – сказал сухо Сантини, -я не знаю причин, но бедняжка остановила меня, потому что она хотела поговорить со мной, но не успела».

«И почему тогда уничтожили письмо, которое сестра Беатрис имела при себе?» – спросил военный с намеком на профессиональное любопытство.

«Этого я не могу сказать. Знаю, что это был секретный документ Ватикана» – ответил Сантини.

«Где гарантии, что это не могло быть важным следом, полезным в обнаружении его убийц?» – сказал капитан властным тоном.

«В этом случае вы можете быть обвинены в уничтожении доказательств ведущих к верному направлению в расследовании, были свидетели, которые видели, как вы уничтожили доказательство расследования убийства: это очень серьезная уголовная ответственность».

Сантини остановился и уставился на него: «Вы думаете, что я могу беспокоиться о такой вещи? Вы уверены, что если вы это докажете судебной власти, меня арестуют и отправят под суд, как обычного преступника? Это то, чего вы от меня хотите, капитан?»

«Нет! Дело не в этом» – он ответил более спокойным тоном. – «Мне нужна ваша помощь, Сантини, если вы еще не поняли, что я ищу в темноте, и она определенно не помогает. Если за атаками есть секреты Церкви, я никогда не стану руководителем. К сожалению, я знаю, как это работает: Ватикан будет покрывать все, чтобы убедить Правительство Италии сделать то же самое, а я буду жертвой, которую обвинят в профессиональной некомпетентности. И я знаю политику, никто не пойдет против Ватикана, по крайней мере, не в Италии. Я знаю так же ценность людей, с которыми я имею дело; вы человек, который может мне помочь, у вас уже есть ответы, и я знаю, что полиция по всему миру хорошо знает, кто вы, доктор Сантини, в любом случае, вы всегда гарантировали конфиденциальность своей роли. Я сделаю это, даю вам слово военного и мужчины».

Сантини усвоил каждое слово этого человека. На самом деле, он рисковал не вытащить паука из дыры с такими скудными уликами, которые у него были. Группа в первый же вечер исчезла без следа, напавшие на ресторан так же. Но он узнал в ложной швейцарской гвардии накануне вечером одного из стрелявших в ресторане. Хотя лицо этого человека, было покрыто шлемом, он узнал его глаза и движения, такой опытный физиономист, как Сантини, не мог не заметить этого сходства. Он предоставил фоторобот Жандармерии, ожидая ответа, тем временем он убедился, что два нападения связаны. Во-первых, им была нужна сестра Беатрис и документы, которые у нее были с собой, во-вторых, они хотели убрать его, возможно, потому, что они думали, что сестра поговорила с ним. Сантини, прочитав документ, намеревался разработать свою личную версию, которая связывала два эпизода с пророчеством Антихриста: кто-то хотел помешать расследованию.

Но кто? Предполагалось, что он должен вести расследование. И, чтобы сделать это, должен был быть только он и Совет, без каких-либо препятствий, даже со стороны этого милого капитана.

«Однако две атаки не могут быть связаны, в этом нет никакого смысла, – ответил он не слишком убедительно, вынужденный не предоставлять события для обмена с кем-либо, – но я обещаю, что дам вам знать. Теперь я должен пойти убедиться, что у моего друга Андреа все в порядке».

«Я рассчитываю, Сантини! – Донолетти вручил ему свою визитную карточку и вызвал своего водителя, ожидавшего его рядом, садясь в служебную машину, повернулся к Сантини, который уже уходил. – Я был племянником Архиепископа Паолини, Вице Префекта Библиотеки Ватикана, убитого Сумерками. Вот почему я знаю так много вещей о них, Сантини, я подробно изучил всю операцию в прошлом году, хотя мне не хватает многих деталей этого дела, я думаю, что я знаю достаточно. Монсьеор Паолини был братом моей матери, и я должен вас поблагодарить за то, что вы выследили и наказали тех парней. Поэтому я и удалил из доказательств документ сестры Беатрис».

Донолетти отдал приказ шоферу ехать, оставив потрясенного Сантини, следовавшего за автомобилем с взглядом, пока он не свернул в переулок.

В тот же момент

Женщина слышала все достаточно хорошо, набрала номер мобильного телефона, ее собеседник ответил почти мгновенно.

«Это Моника, – начала она, – цель разговаривала с капитаном карабинеров. Они обсудили документ монахини, насколько я поняла, наш человек прочитал его, а затем уничтожил. Видимо, он не доверяет полиции».

Человек на другом конце телефона ответил: «Это нам не нужно, он может добраться до нас. Избранный не будет в восторге. Следуй за ним как тень, найди предлог, чтобы познакомиться с ним, соблазни его, затащи в постель, если это необходимо, но убедитесь, что он с тобой один в уединенном месте, где мы сможем покончить с ним раз и навсегда, и потом подумаем о другом».

Женщина была озадачена: «Но он священник, он не позволит себя соблазнить...»

«Выполняй приказы! – прогремел нервно мужчина, – ты знаешь, что бывает с теми, кто терпит неудачу!»

«Я знаю, – ответила она, мурашки пробежали по ее спине, – я видела, как вы избавились от ваших людей сегодня утром».

«Они потерпели неудачу, – сказал мужчина, – Избранный не терпит ошибок. Отрегулируй все соответствующим образом».

Телефонный звонок завершился, и женщина ощутила прилив холодного пота. *Чертовы фанатики! Если я не сделаю так, как говорят, они разделают меня на куски и растворят в кислоте, как это случилось с этими несчастными.* Размышляя она следуя на расстоянии за Сантини, стараясь не потерять его из виду.

Как мне приблизиться к нему не вызвав подозрений? В самом деле, как мне остаться с ним наедине в закрытом месте? Гостиничный номер? Нет! Он никогда не придет, он что-нибудь заподозрит, и для меня это будет конец. Мысли отвлекли ее, теперь она уже не видела Сантини. Она огляделась вокруг, не было никаких боковых улиц и даже магазинов или баров, куда он мог войти; на этой улице были только многоквартирные здания. Добежав до конца улицы, она надеялась, что мужчина ускорил шаг, и она уже свернула на боковую улицу, но никого.

Он исчез.

«Искали меня, синьорина?» – Сантини внезапно появился перед женщиной.

Она не ожидала услышать его, получив от неожиданности удар в сердце, не могла сразу придумать, что и ответить.

«Н-нет! – она заикалась, понимая, что необходимо глубоко дышать и контролировать себя. – Конечно, нет, сеньор...»

Она отступила, ожидая ответ Сантини, но он ничего не сказал, только смотрел на нее почти как на микроб под микроскопом. Ничего не ответил, чтобы возобновить обсуждение.

«К сожалению, не могу найти свою машину, я припарковала ее на этой улице, – она рассеянно смотрела с одной стороны на другую, – или я припарковала ее на той улице. Боже мой! Я не помню. Я запуталась, простите».

Она смутилась и представилась: «Меня зовут Моника Симонаж. Может, ее украли у меня? Надо пойти к карабинерам и подать заявление».

«Это территория Ватикана, – ответил ей Сантини, – так что это задача Жандармерии. Если хотите, я провожу вас, это здесь».

«О, да! С удовольствием, – она ответила, и расслабилась, думая, что ей удалось обмануть мужчину, – я не очень хорошо знаю Рим, в первый раз была здесь еще маленькой девочкой:

школьная поездка, из тех, что организуются каждый год, и вы даже не понимаете, где находитесь».

Сантини предложил ей руку, которую женщина сразу же подхватила и оба направились к Жандармерии, располагавшаяся за пределами Ватиканских стен.

«Я не знаю вашего имени» – обращаясь к нему.

«На самом деле, я его и не говорил, – ответил Сантини, – Меня зовут *Джованни Рана*».

«Как замечательно! Это тортоллини?» спросила она с удивлением.

«Нет, не это, – с сарказмом ответил Сантини, – случай с однофамильцем, но я моложе».

«Ах да, это да! Вы намного моложе и привлекательнее, действительно, гораздо привлекательнее» – Симонаж с большей силой сжала руку Сантини.

Они вошли в здание Жандармерии и Сантини передал женщину жандармам, чтобы она составила жалобу, попрощался и направился в офис Вице Инспектора Барбьери.

«У входа находится женщина, – сказал он Барбьери, – следила за мной. Я хочу, приставить двух людей к ней и чтобы делали доклад каждые два часа, а также поставили под контроль ее телефон. Я видел, как она звонила кому-то, когда мы с капитаном Донолетти разговаривали».

«Вы думаете, что это связано с нападениями, Ваше Превосходительство?» – спросил Барбьери.

«Еще не знаю, но все может быть, – ответил Сантини, поделившись с жандармом своими наблюдениями, – когда я обнаружил, что она следит за мной, она спряталась, а затем сразу вернулась, это знак того, что она обучена играть роль. Порассказала мне много чуши, и потом, тип мобильного телефона, которым она владеет, я бы сказал, что это модель для шифрования звонков; очень странно, не думаете?»

«Хорошо, я разберусь, не волнуйтесь, – заключил Барбьери. – Босс проснулся и спрашивал о вас. Он все еще в кабинете с доктором Казони».

«Докладывайте мне о женщине как можно скорее, а пока благодарю».

Они постылись, и Сантини направился в офис друга. Барези был в сознании и казался слегка расслабленным, несмотря на отчаяние потери, он выглядел почти в форме. Он и Казони сидели в офисной гостиной, и она нежно держала его за руку.

«Как ты себя чувствуешь, Андреа?»

У Барези были блестящие красные глаза, но он отвечал спокойно: «Уже лучше, не беспокойтесь обо мне, просто дайте мне полчаса, и я смогу работать».

«Ты должен пойти домой и отдохнуть» – предложил Сантини.

Барези встал и посмотрел прямо в глаза: «Нет, маэстро! Я должен обеспечить поддержку миссии. Я ничего не прошу, но даже не думайте, что вы оставите меня в стороне. Я пойду, куда ты скажешь. Дорога сведет нас, уверен, я хочу достать этих людей».

Он положил ему руки на плечи и сказал: «Я в отчаянии, но я хочу вернуться на свое место и быть рядом с тобой».

«Пришло время призвать остальных из Совета в Рим, – решил Сантини. – Игра началась, мы отправляемся на охоту за злейшим врагом, которого мы когда-либо могли себе представить, и мне понадобится твоя помощь и помощь Сони. Нам понадобится вся сила, которой мы располагаем, и на этот раз нам придется обратиться за помощью к нашей Вере, Андреа».

Сантини позвал Казони и сжал их обоих в объятиях: «Наша задача в том, что бы найти и убить не меньше, чем Антихриста».

Казони и Барези удивленно отстранились, пристально наблюдая за его взглядом: Сантини выражал твердость в лице и выглядел решительно.

Это означало неприятности и смерть.

18.

Ватикан, вторая половина дня

Сантини вызвал всю команду SCS в Рим, в том числе Мали, предупредив их взять все необходимое оборудование для расследования, а также оружие. Сантини был все более уверен, что Симонаж имела намерения следовать за ним, поэтому он отказался от планов возвращения в Бункер, это было бы слишком рискованно и поставило бы под серьезную опасность весь Совет. Он решил *перенести* штаб-квартиру Совета во дворец Жандармерии в Риме, по крайней мере, до тех пор, пока ситуация не будет выяснена. Он запросил Барези и получил от него согласие, остаться работать в Жандармерии, попросил его удвоить безопасность как для защиты структуры, как для него и для его людей; безопасность, которая идет в дополнение к той, которая обычно гарантируется для Барези и Казони, по его мнению, оба находились в опасности. Нападение в ресторане было ясным сигналом того, насколько они были под угрозой от кого-то еще не идентифицированного, но он был убежден, что это связано с историей сестры Беатрис и документом Биаджотти. Следовательно, это было связано с Антихристом. Итак, документ монахини был написан Монсеньором Биаджотти, в приложение к докладу Всеобщего Комитета Святой Римской Церкви, о пришествии Антихриста на землю. Сантини уничтожил документ, чтобы никто не узнал об этой страшной тайне. Он не был полностью уверен, что криминалисты из карабинеров не поняли значение документа, он осознавал, что такое безумие может распространяться со скоростью звука. В результате того, что убийство монахини связано с этим текстом, развяжется медиа-фантазия, а фанатики будут способствовать общей панике, объявив о конце мира, и еще хуже о Пророчествах Майя. Документ, однако, подтверждает, что Антихрист законный сын Дьявола, и, чтобы осуществить это рождение, необходимо, чтобы сам Сатана сделал его Избранным, но в любом случае достаточно, сделать это от его имени. Вероятно, это был один из его многочисленных приверженцев или последователей, и это было основным требованием. Но какое таинственное *послание* не было написано, Сантини предполагал, что вложение не было полным, что были другие страницы, которые, к сожалению, не попали во владение монахини. Вот уже несколько часов, он ломал голову над этим заданием, если бы не его Вера, его осведомленность в этом вопросе, он подумал бы, что сошел с ума. Сообщения, отправленные монахиней, были написаны светилом богословия всех времен, ученым высокого уровня, уважаемым и признанным Святым Престолом: Монсеньором Биаджотти, чья интеллектуальная честность не поддавалась никаким сомнениям. Следовательно, доказательства были реальными, потому что этот человек был не кто иной, как Председатель Вселенского Комитета Святой Римской Церкви, и третий в Апостольском ряду Святого Престола, уступая только Папе и Государственному Секретарю. Поэтому, он не может считаться бредящим или сумасшедшим, Сантини был человеком Веры, он действительно признавал существование Дьявола, он встречал его в реальности во всех своих миссиях: в черных душах людей, которые могли быть такими исключительно под влиянием *Зла*. Если эти бойцы были заинтересованы в документе сестры Беатрис, устраняя как можно больше людей, только предполагая, что монахиня могла сообщить то, что знает, из этого вытекает, что существует организация, поддерживающая того, кто может считаться Антихристом.

Они были заинтересованы в монахини из-за документа, так что они знают о пророчестве! Размышляя, Сантини, вскоре после того как ему пришла мысль о возможной реальной сатанинской Секте, которых существовало очень много. Эта гипотетическая Секта действовала спокойно, организовано и молниеносно, перемещаясь по историческому центру Рима, убивая людей. Она не просто возвращала древние и глупые ритуалы, возможно, приправленные жертвоприношениями животных или намерениями только для того, чтобы читать черные мессы

в какой-то разрушенной маленькой непристойной Церкви. Если действительно существовал такой культ, то были серьезные проблемы, действительно, очень серьезные. Он уже беспокоился о том, что столкнется с Антихристом на земле, но если это структурировано в организацию, состоящей из фанатичных и преданных людей, тогда это совсем другая история. Он мысленно анализировал смысл текста, написанного Биаджотти, и сосредоточился на конкретном: то, о чем Монсеньор писал, что Антихрист может родиться или при прямом вмешательстве Сатаны или с помощью одного из его последователей.

Что это значит? Как это может быть, и кто, возможно, помог создать подобного монстра? Спрашивал, и не находил ответа. Он отвлекся от мыслей, когда вошел в комнату Барези, который был посвящен в SCS.

«Через полчаса придут твои, мы должны идти» – сказал ему друг.

Сантини кивнул и сел в машину, ожидавшую их во внутреннем дворе в Жандармерии, вместе с микроавтобусом и еще двумя автомобилями.

19. Ватикан, позже

Зал располагался в прекрасном пентхаусе здания знаменитой Жандармерии Ватикана, с вершины которого можно полюбоваться половиной Рима и Базиликой Святого Петра. Исторический дворец находился за Базиликой, недалеко от стен Ватикана, но в пределах территории Государства. Оформленный в великолепном стиле зал обычно использовался в качестве тренажерного зала для повышения уровня подготовки жандармов, по этому случаю он был адаптирован под потребности SCS. Работники Ватикана закончили подготовку помещения, для размещения семи членов Совета, можно было воспользоваться ванными комнатами и душевыми кабинами, и в то же время оставалось пространство для размещения качественной оперативной базы. Все были заняты тем, чтобы разместить мониторы, столы, компьютеры и все необходимое оборудование.

Джон, математический гений группы, дал сигнал о том, что все работает отлично, поднимая большой палец вверх. Вместе с ним были Ник, правая рука мастера, монахиня Мали – юридический патолог и непревзойденный секретарь Совета, а также трое новых недавно назначенных последователя.

Джованна де Паоли, известная как *Джио*, тридцати пятилетняя светская монахиня. В католической церкви применяется обозначение *мирян* участвующих в институтах просвещенской жизни, которые являются пресвитерами. Де Паоли, была ученым, а точнее химиком, входила научную структуру Совета, Сантини выбрал ее из-за опыта в криминологии. Вместе с Мали, судебным патологоанатомом, она дала жизнь развернутой разведывательной структуре во главе с SCS.

Грек с непроизносимой *фамилией*, Алексос Крисокохидис, названным *Але*, олимпийский чемпион по стрельбе из пистолета и винтовки. Принимая во внимание, что он был священник, эта особенность была очень любопытна. Эксперт и знаток современного и древнего оружия, был завербован Сантини за его выдающиеся способности в стрельбе.

Исландец, который, имел *имя* столь же непроизносимое: Sigurðardóttir Haraldsson, его звали *Сигурт*. Сорока лет, профессор религиозных и исторических наук впечатляющего уровня. Он не был настоящим бойцом, но он прекрасно знал врагов, которых встречал Совет в своих миссиях.

Все они ожидали готовые узнать о новом задании мастера, удивленные этим странным созывом. Члены Совета должны оставаться всегда анонимными и, конечно же, не выходить в центр Рима, в целях сохранения секретности. Они знали мастера: если он так решил, то должна была быть причина. Итак, они терпеливо ждали прибытия Сантини, который, появился вовремя вместе с Барези и Казони, все были хорошо знакомы. Группа сжалась вокруг Барези, чтобы дать почувствовать близость к его трагедии, и произнести вместе молитвы. Сантини дал понять, что готов начать собрание, все расположились вокруг центрального стола.

«Вы задавали вопросы, почему я собрал вас здесь, а не в Бункере, – начал Сантини, – все поймете очень скоро, я прошу вас оставаться сосредоточенным; это не один из квестов, к которым мы привыкли, даже я не помню, что когда-либо чувствовал себя таким беспомощным и не понимающим, что делать».

Сантини в течение получаса резюмировал разговор с Папой и Кардиналом Оппини, а также события, произошедшие вскоре после этого. Несмотря на то, что все они расстроились, никто не сомневался в его правдивости.

Сантини повел итог: «Я узнал одного из мужчин штурмовавших ресторан, из ложной швейцарской гвардии, что открыли стрельбу в меня прошлой ночью и был с другими, и кто

убил сестру Беатрис. Так что две атаки должны быть объединены, по крайней мере, на данный момент. Если это так, мы столкнулись с организацией, которая знает наши задачи и хочет, чтобы мы их не выполнили. Не спрашивайте меня, как они узнают, мы поймем это позже. Теперь давайте рассмотрим детали, которыми мы располагаем».

Он добавил еще одно в завершение, от чего самому стало не по себе: «В документе указывалось, что Антихрист, о котором идет речь, будет законным сыном Дьявола, и для того, чтобы он родился, сам Сатана должен был оплодотворить избранную женщину. Или это могли сделать, одни из его многочисленных последователей, обладающих фундаментальным условием. Я понятия не имею, что это за условие».

«Боже мой, какой ужас!» – Казони затошнило от единственной мысли.

Вмешался Сигурд, эксперт богословия: «Сатана использует человеческое тело, чтобы воплотиться в человека, это может быть кто угодно и он может использовать любую женщину.»

«Здесь мы находимся в области богословских предположений, – ответил Сантини, – следовательно, предположим, что Дьявол должен обладать физической формой, я не могу придумать других решений. Без романтики я не вижу, чтобы женщина оплодотворилась незнакомцем, а затем счастливо переносила беременность, как будто ничего не случилось, а ее родители, родственники и друзьями, радовались, осознав, что с ней произошло. Даже допуская, что подобное случилось, я думаю, что это трагедия женщины: мнимый Дьявол не захочет, конечно, встречаться с ней и жениться на ней или быть отцом к малышу. Таким образом, событие должно произойти известным и доступным способом, я бы лучше рассмотрел историю с Сектой, которая способна организовать это с научным расчетом и современным подходом. Наконец, по моим соображениям, не думаю, что Дьявол поставит своего сына под опасность вероятного выкидыша по воле жертвы».

На Джио сошло озарение: «Оплодотворение, возможно, это было искусственное оплодотворение».

Ответила Мали: «Да ладно! Я не думаю, что от Дьявола есть возможность получить сперму. Здесь мы рискуем скатиться до абсурда».

«Насколько реально Дьявол может появиться на земле, используя тело человека? Мне кажется, это бессмысленная фантазия!» – вмешался Сантини.

И тут Сантини осенило одним ударом, не думая, что это правда: «Почему мне не пришло в голову раньше? Ты гений Соня».

«По правде говоря, я облажалась, но очень любопытно, – сказала она, удивленная реакции Сантини, – что же я сказала гениального?»

«Ну конечно, ребята, – ответил Сантини акцентировав, – нам не нужно думать о фантастических предположениях, которые мы всегда читали в книгах или видели в фильмах ужасов: чудовищный Дьявол и злодей, нечистый зверь, которого мы все представляем. Это Ангел, ребята, прекрасный Ангел! В действительности, божественное существо с невообразимыми полномочиями, почти сопоставимы с нашим Господом, не случайно он был изгнан из Рая: потому что он хотел стать подобным Богу».

Все замолчали.

«Итак, маэстро?» – робко спросил Ник, оценивая, что он все меньше и меньше понимает.

«Поэтому, если мы переключим взгляд на Веру, – добавил Сантини, – мы сможем рассуждать, как Дьявол, или его последователи, намеренные организовать появление Антихриста».

«Но мы в тупике, думая, что для оплодотворения нужно семя Дьявола, – увлеченный обсуждением подключился Барези. – Как мы призовем его? Спиритическим сеансом, а затем просим предоставить нам немного его семенной жидкости?»

Сантини начал ходить, тот, кто знал его хорошо, понимал, что нужно создать тишину, потому что он думает. В подобных случаях, все оставались смотреть, как он вращается вокруг стола в размышлении.

«Библия дьявола, – подумал он вслух, – говорят, что она содержит эзотерические формулы, чтобы доминировать над всем, как Ноус, Божественный Разум, доминирующий над материей и изменяющий ее по своему усмотрению, создавая порядок вещей. Но Библия дьявола читается в течение многих лет избранным, тот, кто поглощает эту силу, превращается в Антихриста по исполнению тридцати трех лет. Да, но нынешнему, день рождения через три месяца, он не только избранный, на этот раз, сын Дьявола. Как Дьявол оплодотворил женщину почти тридцать три года назад? Кто была та женщина? Кто такой Антихрист?»

Он прошелся еще и остановился за спиной монахини криминолога: «Искусственное оплодотворение, как говорит Джио, с использованием человеческого тела, как говорят Соня и Сигурт. Почему эти два элемента кажутся мне основополагающими, какую связь они могут иметь?»

На этот раз он спросил у группы, он видел только их спины, скрытые в полной темноте.

Барези пошутил не осознавая, что осветил поворот событий: «Они взяли семя у какого-то Дьявола и оплодотворили по обоюдному согласию женщину последователя Секты».

Сантини застыл с поднятой рукой, мозг анализировал миллиарды информации, в то время как у Барези возникло сомнение в том, что он сказал абсурдность века.

«Ладно, ребята, я облажался, – сказал он, понимая, что большая глупость, – хватит так смотреть на меня, вы заставляете меня чувствовать себя полным дерьмом».

Они все смеялись над этой шуткой, но не Сантини, он с застывшим взглядом, все еще размышлял, глядя на панораму из окна.

«Это не дерьмо, – сказал он, даже не поворачиваясь, – это совсем не дерьмо, на самом деле, это самое логичное и последовательное решение».

Барези считал, что его друг издевается над ним: «Если ты хочешь поиздеваться, пожалуйста, я это заслужил. Но давайте не будем так шутить, тема приводит меня в какой-то жуткий трепет».

«Я не издеваюсь над тобой, – сказал он Сантини, – но я говорю, что твоя гипотеза серьезная, с которой нам придется столкнуться. Дьявол наделен божественными силами, но не может использовать Святой Дух, чтобы получить ребенка, он хотел его всегда, но это не в его прерогативах. Каким образом он мог *создать* законного ребенка? Кто это может быть? Это не простой человек, при стечении обстоятельств он может стать Антихристом путем чтения Библии дьявола, как Бонифаций I, Леонардо да Винчи, Наполеон или Гитлер, но он все равно не будет законным сыном, упомянутым в пророчестве. Его сын должен *родиться* по закону Рождества Христова, как это было с Иисусом, и он поручит своим последователям защищать его, гарантируя ему, выполнение его миссии.» Он продолжал дискутировать: «Но почему он этого не сделал раньше? Ведь он всегда имел избранных, как Наполеон или Да Винчи, тот же Гитлер и так далее?»

«Потому что искусственное оплодотворение, в то время, не существовало, как и во времена Гитлера» – уверенно сказала Казони.

«Это так!» – воскликнул Сантини все более убеждаясь в этой версии. – Действительно, ребята, давайте подведем результаты. Первые опыты искусственного осеменения были проведены в семидесятых годах. Следовательно, мы ищем человека, одержимого демонами, скажем, за тридцать три года до сегодняшнего дня, за минусом трех месяцев и менее девяти месяцев или около того, до предполагаемой беременности».

Джон уже все подсчитал: «Маэстро, Антихрист, возможно, родился 28 сентября 1978 года, в тот же день смерти Папы Джованни Паоло I, итак, если мы проанализируем факты в

соответствии с пророчеством. Таким образом, оплодотворение должно бы произойти в декабре 1977 года».

«Если говорить о том времени, – сказал Мали со знанием дела, – тогда семенная жидкость должна быть взята и храниться в стерильном контейнере в составе жидкого азота и использоваться не более чем за тридцать дней».

«Хорошо. Таким образом, ищем между ноябрем и декабрем 1977» – заключил Сантини.

«Что, если роды были преждевременными?» – спросил Ник.

Джио ответила: «Тогда мы должны рассмотреть период, который длится с ноября 1977 по февраль 1978 года».

Сантини чувствовал, что это был правильный путь: «Давайте сделаем это, я запрошу Библиотекаря разрешить нам доступ к архиву Ватикана, чтобы узнать, были ли бесноватые в этот период по миру».

20.

Рим, время 21.00

Ресторан был одним из лучших в Риме, простой и одновременно изящный. Излюбленное место богемы столицы, в тот вечер, на удивление мало посещаемый, кроме единственного стола, за которым сидели три человека. За пределами помещения находилось впечатляющее количество полицейских, карабинеров и других субъектов, которые передавали заказы и распоряжения используя радио гарнитуру. Восхитительная площадь перед рестораном освещалась мигающими огнями правоохранительных органов. Внушительная служба безопасности обеспечивала неприкосновенность одного из самых влиятельных людей на земле, если не самый авторитетного – Папы. Это было событие, которое никогда не случалось ранее: Понтифик, обедал в местном ресторане Рима, как обычный человек. Но «обычное» не выглядело обычным для службы безопасности, обеспечивающую впечатляющую безопасность, они закрыли ресторан и эвакуировали жителей из соседних зданий, проверили близлежащие развязки дорог, жилье, мусорные контейнеры и даже крышки люков канализации, при этом сохраняли секретность того, что происходит в этом районе. Они определили красную зону и не давали никому приблизиться. Агенты в штатском были швейцарскими гвардейцами, единственные уполномоченные личной безопасности Папы, невозможно было установить их точное количество, потому что они находились повсюду: на крышах, в квартирах, на улице или скрывались за каждым углом. Непрерывная радиосвязь между агентами свидетельствовала о сплоченности организационной структуры. Даже итальянские полицейские и карабинеры пострадали от этой огромной команды, некоторые из них подметили, что даже американские спецслужбы, уполномоченные безопасности президента, не попадают под сравнение. Внутри помещения безопасность была не меньше, повара ресторана были заменены официальными поварами Папы, среди них двадцать швейцарских гвардейцев, которые анализировали каждое блюдо, приготовленное непосредственно сотрудниками Ватикана, знавших пищевые привычки Папы. Официанты были заменены монахинями Папы, в реальности, место можно было бы рассмотреть образцовым с точки зрения вопросов безопасности. Только шеф-повар ресторана был уполномочен присутствовать на кухне, в конце концов, единственная причина этого удивительного события: паста аматричана, приготовленная по рецепту пекорино романо, в котором надо правильно расплавить сыр, придать ему огня, и смешать со спагетти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.